

Дюма А.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
ВИКОНТ ДЕ БРАЖЕЛОН,
ИЛИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Дюма. Собрание сочинений

Александр Дюма

**Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Часть пятая**

«Алгоритм»

1850

ББК 84(4Фр)

Дюма А.

Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Часть пятая
/ А. Дюма — «Алгоритм», 1850 — (Дюма. Собрание
сочинений)

ISBN 978-5-486-02145-9

Александр Дюма (1802–1870) – знаменитый французский писатель, завоевавший любовь читателей историческими приключенческими романами. Литературное наследие Дюма огромно: кроме романов им написаны пьесы, воспоминания, путевые очерки, детские сказки и другие произведения самых различных жанров. В данный том Собрания сочинений вошла пятая часть романа «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». Комментарии С. Валова.

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-02145-9

© Дюма А., 1850
© Алгоритм, 1850

Содержание

I	6
II	13
III	17
IV	23
V	27
VI	30
VII	35
VIII	38
IX	43
X	49
XI	53
XII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Дюма
Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Часть пятая

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2008

© ООО «РИЦ Литература», комментарии, 2008

I

Если торг нельзя заключить с одним, то его можно заключить с другим

Арамис угадал: выйдя из дома на площади Бодуайе, герцогиня де Шеврез приказала кучеру ехать домой.

Она, по-видимому, боялась, что за ней следят, и хотела таким образом придать своей прогулке невинный вид. Но как только она вернулась в свой дом и убедилась, что никто за ней не следит и не собирается ее беспокоить, она велела открыть калитку в саду, которая выходила на другую улицу, и направилась на улицу Круа-де-Пти-Шан, где жил господин Кольбер.

Мы сказали, что наступил вечер, – точнее было бы сказать, что наступила ночь, и ночь весьма темная. Заснувший Париж окутывал снисходительной темнотой и благородную герцогиню, плетущую свою политическую интригу, и простую горожанку, которая после позднего ужина в городе, под руку со своим любовником, возвращалась по самой длинной дороге к домашнему очагу.

Госпожа де Шеврез привыкла к так называемой «ночной политике» и прекрасно знала, что министры никогда не запираются, даже у себя дома, от молодых и красивых женщин, боящихся пыли контор, и от пожилых и опытных дам, опасющихся нескромного эха министерств.

Герцогиню встретил у подъезда лакей, и, по правде сказать, встретил довольно плохо. Он даже заметил, посмотрев ей в лицо, что в такой час и в таком возрасте неудобно отрывать господина Кольбера от его ночной работы.

Но герцогиня де Шеврез, не рассердившись, написала на листке из записной книжки свое имя – громкое имя, которое столько раз неприятно звучало для слуха Людовика XIII и великого кардинала.

Она написала это имя размашистым, небрежным почерком вельмож той эпохи, сложила бумагу особенным, лишь ей свойственным образом и передала ее молча, но с таким высокомерным видом, что наглый малый, привыкший чутая господ, опустил голову и побежал к господину Кольберу.

Можно не добавлять, что, развернув листок, министр вскрикнул, и этот легкий крик окончательно убедил лакея в том, как серьезно надо отнестись к таинственной гостье: он побежал за герцогиней.

Она с трудом поднялась на второй этаж красивого нового дома, отдохнула на площадке, чтоб не войти запыхавшись, и предстала перед господином Кольбером, который сам перед ней раскрыл дверь.

Герцогиня остановилась на пороге, чтоб хорошенько разглядеть того, с кем ей придется иметь дело. Его круглая тяжелая голова, густые брови, уродливая гримаса на лице, придавленном как бы священнической скуфьей¹, навели ее на мысль, что будущие ее переговоры будут незатруднительны, но малоинтересны, ибо такая грубая натура, казалось, должна быть малочувствительной к утонченной мести или к ненасытному честолюбию.

Но когда герцогиня ближе пригляделась к черным пронзительным глазкам, к продолжной морщине на выпуклом строгом лбу, к сжатым губам, которые только неопытные наблюдатели считали добродушными, она переменила мнение и подумала: «Я нашла нужного мне человека».

¹ Скуфья (скуфейка) – остроконечная бархатная черная или фиолетовая мягкая шапочка у православного духовенства.

– Чему обязан я честью вашего посещения, сударыня? – спросил интендант финансов.

– Тому, что мне нужны вы, сударь, а я нужна вам.

– Я счастлив, сударыня, слышать первую часть вашей фразы, что же касается второй...

Госпожа де Шеврез села в кресло, которое ей пододвинул Кольбер.

– Господин Кольбер, вы интендант финансов?

– Да, сударыня.

– И вы хотели бы быть суперинтендантом?

– Сударыня!

– Не отрицайте, это бесполезно и только удлинит наш разговор.

– Однако, сударыня, несмотря на все мое доброе желание, несмотря на вежливость, с которой я отношусь к даме вашего положения, ничто не заставит меня признаться в том, что я стараюсь сесть на место моего начальника.

– Я вам ничего не говорила, господин Кольбер, о том, что вы «стараетесь сесть» на место своего начальника. Разве я нечаянно произнесла это слово? Не думаю. А вот слово «заменить» менее воинственно и более правильно грамматически, как говорил господин де Вуатюр². Итак, я утверждаю, что вы стремитесь заменить господина Фуке.

– Сударыня, состояние господина Фуке все выдержит. Господин суперинтендант – это Колосс Родосский³ нашего времени: корабли проходят под ним и даже не задевают его.

– Весьма интересное сравнение. Да, господин Фуке играет роль Колосса Родосского; но, мне помнится, я слыхала, как рассказывал господин Конрар... кажется, академик... что, когда Колосс Родосский упал, купец, который свалил его... простой купец, господин Кольбер... нагрузил его обломками четырехста верблюдов. А ведь купцу очень далеко до интенданта финансов.

– Сударыня, могу вас уверить, что я никогда не свалю господина Фуке.

– Ну, господин Кольбер, раз вы упорствуете и продолжаете играть со мной в чувствительность, как будто не зная, что меня зовут госпожой де Шеврез и что я стара, иными словами, что вы имеете дело с женщиной, которая была политической противницей кардинала Ришелье и у которой осталось мало времени, – раз вы совершаете эту неосторожность, я пойду к людям более проницательным и стремящимся быстрее сделать карьеру.

– Какую, сударыня, какую?

– Вы меня очень разочаровываете, сударь, в нынешних людях. Клянусь вам, если бы в мое время какая-нибудь женщина пришла к господину де Сен-Мару, который, впрочем, не был особенно умен, – клянусь вам, если б она сказала о кардинале то, что я только что сказала вам о господине Фуке, господин де Сен-Мар уже ковал бы железо.

– Ну, сударыня, будьте немного снисходительнее.

– Значит, вы согласны заменить господина Фуке?

– Если король уволит господина Фуке, разумеется.

– Опять лишние слова. Очевидно, раз вы еще не добились его увольнения, значит, вы не могли этого сделать. Поэтому я была бы круглой дурой, если бы, идя к вам, я не принесла вам того, чего вам не хватает.

– Я в отчаянии, что мне приходится настаивать, сударыня, – сказал Кольбер после молчания, которое дало возможность герцогине оценить всю его скрытность, – но я должен предупредить вас, что уже шесть лет пытаются разоблачить господина Фуке, донос следует за доносом, а положение господина суперинтенданта остается непоколебимым.

² Вуатюр Венсан (1598–1648) – французский поэт, творчество которого выразилось в основном в салонной лирике (мадригалы, сонеты, рондо). Член Французской академии с момента ее создания.

³ Колосс Родосский – одно из семи чудес света. Построен в начале III в. до н. э.; в 224 г. до н. э. разрушен в результате землетрясения. Его изображений не сохранилось, где он стоял – точно не известно. Маловероятно, чтобы он стоял над входом в гавань, широко расставив ноги.

– На все свое время, господин Кольбер; те, кто разоблачал господина Фуке, не были госпожой де Шеврез и не имели доказательств в виде шести писем кардинала Мазарини, устанавливающих правонарушение, о котором идет речь.

– Правонарушение?

– Преступление, если это вам больше нравится.

– Преступление? Совершенное господином Фуке?

– Именно... Странно, господин Кольбер, у вас обыкновенно такое холодное и невыразительное лицо, а сейчас я вижу, что вы сияете.

– Преступление?

– Я в восторге, что это на вас произвело впечатление.

– О, сударыня, ведь это слово столько в себе заключает!

– Оно заключает в себе приказ о суперинтендантстве для вас, а для господина Фуке – приказ об изгнании или заключении в Бастилию.

– Простите меня, герцогиня: почти невозможно, чтоб господин Фуке был изгнан, а арест, опала – это уже слишком!

– О, я знаю, что говорю, – холодно продолжала госпожа де Шеврез. – Я живу не так далеко от Парижа, чтобы не знать, что в нем происходит. Король не любит господина Фуке и охотно погубит его, если ему предоставят случай это сделать.

– Но надо, чтобы случай был удобным.

– Случай достаточно удобный. Поэтому я и оцениваю этот случай в пятьсот тысяч ливров.

– Что вы хотите сказать? – спросил Кольбер.

– Я хочу сказать, сударь, что, имея в руках этот случай, я передам его в ваши руки только в обмен на пятьсот тысяч ливров.

– Очень хорошо, герцогиня, я понимаю. Но так как вы только что назначили цену за товар, ознакомьте меня с товаром.

– О, это очень легко: шесть писем от кардинала Мазарини, как я вам сказала; автографы эти, конечно, не были бы очень дороги, если бы они не устанавливали с полной очевидностью, что господин Фуке присвоил себе крупные государственные суммы.

– С полной очевидностью? – спросил Кольбер, и его глаза радостно заблестели.

– С полной очевидностью. Хотите прочесть письма?

– Всей душой! Копии, разумеется?

– Разумеется, копии.

Герцогиня вытащила спрятанную на груди маленькую пачку, придавленную бархатным корсетом.

– Читайте, – сказала она, передавая их Кольберу.

Тот жадно набросился на бумаги.

– Чудесно! – сказал он, прочтя.

– Достаточно ясно, не правда ли?

– Да, герцогиня, да; значит, кардинал Мазарини передал деньги господину Фуке, а господин Фуке оставил их себе; но какие же это деньги?

– Вот в этом-то и дело: какие деньги? Если мы сговоримся, я присоединю к этим шести еще седьмое письмо, которое вам окончательно все прояснит.

Кольбер задумался.

– А оригиналы этих писем?

– Бесплезный вопрос. Все равно, как если бы я спросила вас, господин Кольбер, полны или пусты будут денежные мешочки, которые вы мне дадите.

– Прекрасно, герцогиня.

– Все решено?

– Нет еще.

– Как?

– Есть одна вещь, о которой ни вы, ни я не подумали.

– Что это за вещь?

– При всех этих обстоятельствах господина Фуке может погубить только процесс.

– Да.

– И публичный скандал.

– Да. Ну так что же?

– А то, что не может быть ни процесса, ни скандала.

– Почему же?

– Потому, что он генеральный прокурор парламента; потому что все во Франции: управление, армия, юстиция, торговля – взаимно связано цепью круговой поруки, которая называется духом корпоративности. Поэтому, сударыня, парламент никогда не потерпит, чтобы его глава был привлечен к суду. Даже если бы это случилось по королевскому приказу, никогда парламент не осудит его.

– По правде сказать, господин Кольбер, это меня не касается.

– Я это знаю, сударыня. Но меня это касается и уменьшает цену того, что вы принесли. К чему мне доказательство преступления без возможности наказания за него?

– Даже если Фуке будет только заподозрен, он потеряет свою должность суперинтенданта.

– Велика важность! – воскликнул Кольбер, и его темные черты как-то вдруг осветились выражением ненависти и мести.

– Ах, господин Кольбер, простите меня, – сказала герцогиня, – я не знала, что вы столь впечатлительны. Хорошо, очень хорошо. Ну, раз вам мало того, что у меня есть, прекратим разговор.

– Нет, сударыня, продолжим его. Только, раз ваш товар упал в цене, уменьшите и ваши притязания.

– Вы торгуетесь?

– Это необходимо всякому, кто хочет честно платить.

– Сколько вы мне предлагаете?

– Двести тысяч ливров.

Герцогиня засмеялась ему в лицо, потом вдруг сказала:

– Подождите.

– Вы соглашаетесь?

– Нет еще. Но у меня есть еще одна комбинация.

– Скажите ее.

– Вы мне даете триста тысяч ливров.

– Нет, нет!

– Соглашайтесь или нет, как угодно... И это не все.

– Еще что-нибудь? Вы становитесь невозможной, герцогиня!

– Я не так невозможна, как вы думаете, я у вас прошу не денег.

– Чего же?

– Услуги. Вы знаете, что я всегда нежно любила королеву.

– И...

– И... я хочу свидания с ее величеством.

– С королевой?

– Да, господин Кольбер, с королевой, которая давно уже мне не друг, но может им снова стать, если мне дадут возможность.

– Ее величество никого уже не принимает, герцогиня. Вам известно, что приступы болезни повторяются у нее все чаще и чаще.

– Вот именно поэтому я и должна повидать королеву. Представьте себе, что у нас во Фландрии очень часты случаи этой болезни.

– Рак? Ужасная, неизлечимая болезнь.

– Не верьте в это, господин Кольбер. Фламандский крестьянин – человек первобытный. У него не жена, а рабыня. Пока он пьянствует, жена работает: она черпает воду из колодца, она нагружает мула или осла, она сама таскает тяжести. Так как она мало заботится о себе, она постоянно получает ушибы то там, то здесь. Часто она бывает бита... А рак происходит от какого-нибудь сильного телесного повреждения.

– Это верно.

– Фламандки не умирают от этого. Когда они очень уж сильно страдают, они находят лекарство. А брюггские монахини изумительно лечат эту болезнь. У них есть целебные воды, настойки, втирания; они дают больной бутылку с водой и свечу; этим они приносят доход духовенству и служат Богу, продавая и тот и другой товар. Вот я и принесу королеве воду из брюггского монастыря. Ее величество выздоровеет и поставит столько свечей, сколько найдет нужным. Вы видите, господин Кольбер, что помешать мне видеть королеву – почти что цареубийство.

– Герцогиня, вы слишком умная женщина, вы меня смущаете. Однако мне кажется, что ваше великое милосердие к королеве все-таки имеет маленькую личную выгоду.

– Разве я стараюсь это скрыть? Вы, кажется, сказали: маленькую выгоду? Так знайте же, что это не малая, а большая выгода, и я вам это поясню тотчас. Если вы введете меня к ее величеству – я удовольствуюсь тремястами тысячами ливров, которые я у вас потребовала; если вы откажете – я оставлю у себя письма и отдаю их только в случае немедленной выплаты пятисот тысяч.

С этими словами старая герцогиня встала, оставив господина Кольбера в неприятном раздумье. Продолжать торговаться было невозможно; вовсе не торговаться значило потерять бесконечно много.

– Сударыня, – сказал он, – я буду иметь удовольствие выплатить вам сто тысяч экю.

– О! – воскликнула герцогиня.

– Но как я получу настоящие письма?

– Очень простым способом, дорогой господин Кольбер... Кому вы доверяете?

Серьезный финансист принял беззвучно смеяться, и его широкие черные брови поднимались и опускались, как крылья летучей мыши.

– Никому, – сказал он.

– Но вы делаете исключение для себя, господин Кольбер?

– Что вы хотите сказать, герцогиня?

– Я хочу сказать, что если бы вы отправились со мной туда, где находятся письма, они были бы переданы вам в собственные руки и вы могли бы проверить их и пересчитать.

– Это верно.

– Вам следует взять с собой сто тысяч экю, потому что я тоже никому не доверяю.

Интендант финансов покраснел до бровей. Как все люди, высоко одаренные в искусстве счисления, он был весьма честен.

– Сударыня, – сказал он, – я возьму с собой обещанную сумму в двух чеках, по которым вы можете получить деньги в моей кассе. Удовлетворит ли это вас?

– Как жаль, что ваши чеки не ценятся по миллиону, господин интендант!.. Итак, я буду иметь честь указать вам дорогу.

– Позвольте мне распорядиться, чтоб заложили лошадей.

– Внизу ждет моя карета, сударь.

Кольбер кашлянул в нерешительности. Ему вдруг показалось, что предложение герцогини – ловушка, что у двери его ждут и что эта дама, предложившая продать свою тайну за сто тысяч экю Кольберу, предложила ее и господину Фуке за ту же сумму.

Он так долго медлил, что герцогиня пристально посмотрела ему прямо в глаза.

– Вы предпочитаете ехать в собственной карете?

– Признаюсь, да.

– Вы боитесь, что попадете со мной в какую-нибудь западню?

– Герцогиня, у вас капризный нрав, а я, будучи нрава довольно серьезного, боюсь быть скомпрометированным какой-нибудь шуткой.

– Словом, вы боитесь? Хорошо, поезжайте в своей карете, берите с собой столько лакеев, сколько хотите... Только подумайте: то, что мы делаем вдвоем, знаем мы одни; то, что увидит третье лицо, станет известно всему миру. В конце концов, мне это не важно, моя карета последует за вашей, и я буду рада сесть в вашу карету, чтоб ехать к королеве.

– К королеве?

– Вы уже забыли? Как! Такой для меня важный пункт, а вы уже упустили его из виду? Каким это было для вас пустяком, боже мой. Если б я знала, я спросила бы у вас вдвое больше.

– Я раздумал, герцогиня. Я не поеду с вами.

– Правда?.. Почему?

– Потому, что я безгранично доверяю вам.

– Вы мне льстите!.. Но как же я получу сто тысяч экю?

– Вот они.

Интендант нацарапал несколько слов на бумажке и передал ее герцогине.

– Деньги вам выплачены, – сказал он.

– Красивый жест, господин Кольбер, я вас вознагражу за него.

Говоря эти слова, она засмеялась. Смех госпожи де Шеврез был похож на мрачный шепот; всякий человек, чувствующий, как бьются в его сердце молодость, вера, любовь, жизнь, предпочел бы плач этому жалкому подобию смеха.

Герцогиня растегнула корсаж и достала маленькую пачку бумаг, перевязанную огненной лентой. Крючки подались под давлением ее нервных рук. И грудь, поцарапанная трением и выдергиванием бумаг, предстала перед глазами интенданта, заинтересованного этими странными приготовлениями. Герцогиня вновь засмеялась.

– Вот, – сказала она, – подлинные письма кардинала Мазарини. Они у вас в руках. И, кроме того, герцогиня де Шеврез разделась перед вами, как если бы вы были... я не хочу называть имен, которые внушили бы вам гордость и ревность. Теперь, господин Кольбер, – продолжала она, быстро застегивая свое платье, – ваша карьера обеспечена; проводите меня к королеве.

– Нет, сударыня. Если вы снова навлечете немилость ее величества и если узнают во дворце, что это я ввел вас в покои королевы, то она не простит мне этого до конца своих дней. У меня во дворце есть преданные люди, они введут вас, не вовлекая меня в это дело.

– Как хотите. Мне важно видеть королеву.

– Как называются брюггские монахини, которые лечат больных?

– Бегинки⁴.

– Вы будете бегинкой.

– Хорошо. Но мне придется перестать быть ею.

– Это ваше дело.

⁴ *Бегинки* – женские светские религиозно-благотворительные союзы, существовавшие в XII–XVIII вв. в Нидерландах и Германии. Находились под подозрением у инквизиции.

– Извините, но я не хочу, чтобы двери передо мной захлопнули.

– Это тоже ваше дело, сударыня. Я сейчас прикажу старшему камердинеру дежурного офицера ее величества впустить бегинку с лекарством для облегчения страданий королевы. Вы получите от меня пропуск, но сами позаботитесь о лекарстве и объяснениях. Если будет необходимо, я признаюсь, что ввел бегинку, но отрекись от герцогини де Шеврез.

– Это не понадобится, будьте покойны.

– Вот пропуск.

II

Шкура медведя

Кольбер подал пропуск герцогине и тихонько отодвинул кресло, за которым она стояла.

Госпожа де Шеврез слегка кивнула и вышла.

Кольбер, узнав почерк Мазарини и пересчитав письма, позвонил своему секретарю и приказал ему пойти за советником парламента господином Ванелем. Секретарь ответил, что господин советник, верный своим привычкам, только что вошел, чтобы дать отчет интенданту о главнейших подробностях сегодняшней работы парламента.

Кольбер сел ближе к лампе, перечел письма покойного кардинала, несколько раз улыбнулся, убеждаясь в ценности бумаг, которые ему только что передала госпожа де Шеврез, и, устало подперев голову руками, глубоко задумался.

В это время в кабинет Кольбера вошел высокий толстый человек с костлявым лицом и крючковатым носом. Он вошел со скромной уверенностью, выдававшей гибкий и решительный характер: гибкий по отношению к хозяину, который может бросить подачку, и сильный по отношению к собакам, которые могли бы оспаривать у него эту желанную добычу.

Под мышкой у господина Ванеля была объемистая папка; он положил ее на бюро, за которым сидел задумавшись Кольбер.

– Здравствуйте, господин Ванель, – сказал Кольбер, отрываясь от своих размышлений.

– Здравствуйте, монсеньер, – непринужденно сказал Ванель.

– Надо говорить *сударь*, – тихо заметил Кольбер.

– *Монсеньером* называют министров, – невозмутимо отвечал Ванель. – Вы – министр!

– Пока еще нет!

– Я называю вас монсеньером. Впрочем, вы ведь мой начальник, с меня этого достаточно. Если вы не хотите, чтобы я называл вас так при людях, позвольте мне называть вас так наедине.

Кольбер поднял голову, пытаясь прочесть на лице Ванеля, в какой степени было искренне это выражение преданности.

Но советник умел выдерживать тяжесть взгляда, даже если взгляд был министерский.

Кольбер вздохнул. Он ничего не прочел на лице Ванеля; Ванель мог быть честным. Кольбер подумал, что этот подчиненный в действительности имеет над ним власть, так как госпожа Ванель – его, Кольбера, любовница.

В то время, когда он думал о странной судьбе этого человека, Ванель холодно вынул из кармана надушенное письмо, запечатанное испанским воском, и протянул его интенданту.

– Что это, Ванель?

– Письмо от моей жены, монсеньер.

Кольбер закашлялся. Он взял письмо, распечатал его, прочел и спрятал себе в карман, в то время как Ванель невозмутимо листал книгу протоколов.

– Ванель, – сказал вдруг патрон своему подчиненному, – вы ведь умеете работать?

– Да, монсеньер.

– И вас не пугает работа по двенадцати часов в день?

– Я работаю пятнадцать часов в день.

– Невозможно! Парламентские обязанности вряд ли отнимают у вас больше трех часов.

– О, я еще веду счетные книги одного друга, с которым у меня общие дела, а в свободное время изучаю древнееврейский язык.

– Вас очень высоко ценят в парламенте, Ванель?

– Я думаю, что да, монсеньер.

- Не следовало бы засиживаться на месте советника.
- Что же сделать для этого?
- Купить должность.
- Какую?
- Какую-нибудь... более значительную. Маленькие претензии труднее выполняются, не так ли?
- Маленькие кошельки, монсеньер, труднее наполняются.
- Ну а какая должность вас прельщает?
- Мне трудно сказать, какая была бы мне по карману.
- Есть одна должность. Но надо быть королем, чтобы купить ее без труда, а королю, пожалуй, не придет в голову покупать должность генерального прокурора.
- Услышав эти слова, Ванель поднял на Кольбера свой смиренный и в то же время бесцветный взгляд.
- О какой должности генерального прокурора в парламенте вы мне говорите, монсеньер? – спросил Ванель. – Я знаю только должность господина Фуке.
- О ней я и говорю, мой дорогой советник.
- У вас недурной вкус, монсеньер, но прежде чем покупать товар, надо, чтоб он продавался.
- Я думаю, господин Ванель, что скоро эта должность будет продаваться...
- Продаваться! Должность прокурора господина Фуке?
- Об этом говорят.
- Должность, которая делает его неуязвимым, будет продаваться? О-о!
- И Ванель захохотал.
- Может быть, вы боитесь этой должности? – спросил серьезно Кольбер.
- Боюсь? Нет... конечно нет.
- Но вы не хотите ее?
- Монсеньер, вы смеетесь надо мной, – отвечал Ванель. – Какому советнику парламента не хотелось бы быть генеральным прокурором?
- В таком случае, господин Ванель... раз я вам говорю, что должность будет продаваться...
- Вы утверждаете, монсеньер?
- Все вокруг говорят об этом.
- Не могу поверить, что это возможно; никогда человек не бросит щита, которым он защищает свою честь, состояние и жизнь.
- Бывают иногда сумасшедшие, которые мнят себя выше всех неудач, господин Ванель.
- Да, монсеньер, но такие сумасшедшие не совершают своих безумств в пользу бедных Ванелей, какие есть на свете.
- Почему же?
- Потому, что Ванели бедны.
- Действительно, должность господина Фуке может стоить дорого. Что бы вы заплатили за нее, господин Ванель?
- Все, что у меня есть, монсеньер.
- Сколько именно?
- От трехсот до четырехсот тысяч ливров.
- А должность сколько стоит, по-вашему?
- Самое малое полтора миллиона. Я знаю людей, которые предлагали миллион семьсот тысяч ливров и не убедили господина Фуке. А если бы случилось так, что господин Фуке все-таки захотел бы продать свою должность, чему я не верю, несмотря на то что мне говорили...
- А, вам что-нибудь говорили! Кто?

– Господин де Гурвиль... господин Пелиссон, так, в разговоре.

– Ну а если бы господин Фуке захотел продать?..

– Я все равно не мог бы купить его должность, так как господин суперинтендант продал бы только за наличные деньги, а ни у кого нет готовых полутора миллионов.

Кольбер остановил советника нетерпеливым движением руки и снова погрузился в размышления.

Видя серьезное выражение лица хозяина и его желание продолжать разговор на эту тему, Ванель стал ждать решения, не смея сам вызвать его.

– Объясните мне хорошенько, – сказал Кольбер, – все привилегии, связанные с должностью генерального прокурора.

– Право обвинения всякого французского подданного, если он не принц крови; право аннулирования всякого обвинения, направленного против каждого француза, кроме короля и принцев. Генеральный прокурор – правая рука короля и принцев. Генеральный прокурор – правая рука короля, карающая виновных, а также гасящая факел правосудия. Таким образом, господин Фуке может сопротивляться королю, подняв против него парламент; поэтому король не будет бороться с господином Фуке несмотря ни на что, если желает, чтоб его указы вступили в законную силу без возражений. Генеральный прокурор может быть и очень полезным, и очень опасным орудием.

– Хотите быть генеральным прокурором, Ванель? – спросил вдруг Кольбер, смягчая голос и взгляд.

– Я? – воскликнул Ванель. – Но я уже имел честь доложить вам, что у меня для этого не хватает миллиона ста тысяч ливров.

– Вы возьмете в долг у ваших друзей эту сумму.

– У меня нет друзей, богаче меня.

– Вот честный человек! – воскликнул Кольбер.

– Если б все так думали, монсеньер!

– Достаточно, что я это думаю. И в случае надобности я буду отвечать за вас.

– Берегитесь, монсеньер! Вам известна пословица?

– Какая?

– Кто отвечает, тот и платит.

– Уверен, до этого не дойдет.

Ванель встал, взволнованный предложением, так внезапно сделанным человеком, к словам которого серьезно относились даже самые легкомысленные люди.

– Не смейтесь надо мною, монсеньер, – сказал он.

– Нам необходимо торопиться, господин Ванель. Вы говорите, что господин Гурвиль вам говорил о должности господина Фуке?

– Да, и Пелиссон также.

– Вполне официально?

– Вот их слова: «Члены парламента честолюбивы и богаты; они должны были бы сложиться и предложить два или три миллиона господину Фуке, своему покровителю и солнцу».

– А что вы сказали?

– Я сказал, что, со своей стороны, дам, если понадобится, десять тысяч ливров.

– А, вы, стало быть, тоже любите господина Фуке! – воскликнул Кольбер, взглянув на Ванеля с ненавистью.

– Нет. Но господин Фуке наш генеральный прокурор, он влезает в долги, он тонет, мы должны спасти честь нашей корпорации.

– Вот почему господин Фуке будет в полной безопасности, пока он занимает свою должность.

– Тут, – продолжал Ванель, – господин Гурвиль добавил: «Принять милостыню господину Фуке унижительно, и он от нее откажется; пусть парламент сложится и достойно купит должность своего генерального прокурора, тогда все будет хорошо, честь корпорации будет спасена и гордость Фуке также».

– Ну что ж, это выход.

– Я тоже так подумал, монсеньер.

– Так вот, господин Ванель: вы тотчас отправитесь к господину Гурвилю или господину Пелиссону; знаете ли вы еще какого-нибудь друга господина Фуке?

– Я хорошо знаю господина де Лафонтена.

– Лафонтена-стихотворца?

– Да, он писал стихи, посвященные моей жене, когда мы еще были в хороших отношениях с господином Фуке.

– Обратитесь к нему, чтоб получить свидание с господином суперинтендантом.

– С удовольствием. Но как быть с деньгами?

– В назначенный день и час у вас будут деньги, не беспокойтесь.

– Монсеньер, какая щедрость! Вы затмеваете короля. Вы превосходите господина Фуке!

– Одну минуту... не злоупотребляйте словами. Я вам не дарю миллиона четырехсот тысяч ливров. У меня есть дети.

– О, сударь, вы мне их даете в долг – этого достаточно.

– Да, я их вам даю в долг.

– Требуйте от меня любые проценты, любые гарантии, монсеньер, я готов, и даже когда ваши требования будут удовлетворены, я повторю, что вы превосходите королей и господина Фуке в щедрости. Ваши условия?

– Вы будете отдавать мне долг в течение восьми лет.

– О, прекрасно!

– Вы закладываете самую должность.

– Превосходно. Это все?

– Подождите. Я оставляю за собой право перекупить у вас должность за цену на сто пятьдесят тысяч ливров больше, чем та, которую вы заплатите, если вы не будете в исполнении этой должности следовать интересам короля и моим предначертаниям.

– А-а! – произнес слегка взволнованный Ванель.

– Разве в моих условиях есть что-нибудь, что вам не нравится, господин Ванель? – спросил холодно Кольбер.

– Нет, нет, – живо ответил Ванель.

– В таком случае мы подпишем договор, когда вы захотите. Бегите теперь к друзьям господина Фуке.

– Лечу...

– И добейтесь свидания с суперинтендантом.

– Хорошо, монсеньер.

– Будьте уступчивы.

– Да.

– И как только сговоритесь...

– Я потороплюсь заставить его подписать соглашение.

– Ни за что этого не делайте!.. Ни в коем случае не заикайтесь о подписи, говоря с господином Фуке, ни даже о честном слове, слышите? Вы все погубите!

– Как же быть, монсеньер? Это слишком трудно...

– Постарайтесь только, чтоб господин Фуке согласился... Идите!

III

У вдовствующей королевы

Вдовствующая королева была в своей комнате во дворце с госпожой де Мотвиль и сеньорой Моленой. Король, которого ждали до вечера, так и не пришел. Королева в нетерпении несколько раз посылала узнавать, не возвратился ли он. В любую минуту могла разразиться гроза. Придворные кавалеры и дамы избегали встречаться в приемных и коридорах, чтобы не говорить на опасные темы.

Принц, брат короля, утром отправился с королем на охоту. Принцесса сидела у себя, дуясь на всех. Вдовствующая королева, прочитав молитвы по-латыни, говорила о хозяйстве со своими двумя подругами на чистом кастильском наречии. Госпожа де Мотвиль, прекрасно понимавшая этот язык, отвечала по-французски.

Когда три женщины исчерпали все формулы скрытности и вежливости, чтобы дойти до утверждения, что поведение короля убивает королеву, вдовствующую королеву и всю его родню; когда в изысканных выражениях призвали все проклятия на голову мадемуазель де Лавальер, вдовствующая королева закончила эти жалобы и укоры словами, вполне соответствовавшими ее мыслям и характеру.

– Ах, дети, дети! – сказала она по-испански.

Глубокие слова в устах матери; слова ужасные в устах королевы, скрывавшей удивительные тайны в глубине своей опечаленной души.

– Да, – отвечала Молена, – дети, для которых мать жертвует всем.

– Которым, – продолжала королева, – мать пожертвовала все, что могла...

Она не закончила фразы. Когда она взглянула на портрет бледного Людовика XIII, ей показалось, что снова в тусклых глазах ее супруга появляется сердитый блеск и гнев раздувает его тонкие ноздри. Портрет оживал. Он не говорил, а грозил. Глубокое молчание последовало за словами королевы. Молена начала рыться в большой корзинке с лентами и кружевами. Госпожа де Мотвиль, удивленная молнией взаимного понимания, которая одновременно сверкнула в глазах королевы и ее наперсницы, опустила скромно глаза и, стараясь не видеть, вся обратилась в слух. Она услышала только многозначительное «гм», которое пробормотала испанская дуэнья, эта воплощенная осторожность. Она поймала также вздох, вырвавшийся из груди королевы. Тотчас она подняла голову и спросила:

– Вы страдаете, ваше величество?

– Нет, Мотвиль. Почему ты спрашиваешь?

– Ваше величество застонали.

– Ты, пожалуй, права, да, мне немного нездоровится.

– Господин Вало здесь поблизости, кажется, у принцессы: у нее расстроены нервы.

– Серьезная болезнь! Но господин Вало напрасно ходит к принцессе, совсем другой врач вылечил бы ее...

Госпожа де Мотвиль еще раз удивленно подняла глаза на королеву.

– Другой врач? – спросила она. – Кто же?

– Труд, Мотвиль, труд... Ах, если уж кто болен, так это моя бедная дочь.

– Вы также, ваше величество.

– Сегодня я себя чувствую лучше.

– Не доверяйтесь самочувствию, ваше величество.

И, как бы в подтверждение слов госпожи де Мотвиль, острая боль ужалила королеву в самое сердце, она побледнела и откинулась на спинку кресла, чувствуя накатывающую дурноту.

– Мои капли! – вскричала она.

– Сейчас, сейчас! – отозвалась по-испански Молена и не торопясь подошла к шкафчику из золотистой черепахи, вынула из него хрустальный флакон и, открыв, подала королеве.

Королева несколько раз сильно вдохнула и прошептала:

– Вот так меня и убьет Господь. Да будет его святая воля!

– Не умирают от боли, – возразила Молена, ставя флакон в шкаф.

– Вашему величеству лучше теперь? – спросила госпожа де Мотвиль.

– Да, лучше.

И королева приложила палец к губам, чтоб ее любимица не проговорила о только что виденном.

– Странно, – сказала после некоторого молчания госпожа де Мотвиль.

– Что странно? – спросила королева.

– Ваше величество помнит тот день, когда впервые появилась эта боль?

– Я помню только, что это был грустный день, Мотвиль.

– Этот день не всегда был грустным для вашего величества.

– Почему?

– Потому, что двадцать три года тому назад в этот же час родился ныне царствующий король, прославленный сын вашего величества.

Королева вскрикнула, закрыла лицо руками и на несколько секунд погрузилась в раздумье.

Было ли то воспоминание, или размышление, или новая боль?

Молена кинула на госпожу де Мотвиль почти свирепый взгляд, так он был похож на упрек. И достойная женщина для успокоения совести собралась было расспросить ее, когда вдруг Анна Австрийская, поднявшись, сказала:

– Пятое сентября! Да, эта боль появилась пятого сентября. Великая радость в один день, великая печаль – в другой. Великая печаль, – добавила она совсем тихо, – это искупление за великую радость!

И с этого момента Анна Австрийская, как бы исчерпав всю свою память и разум, снова стала непроницаемой, молчаливой, глаза у нее потухли, мысль рассеялась и руки повисли.

– Надо ложиться в постель, – сказала Молена.

– Сейчас, Молена.

– Оставим королеву, – прибавила упрямая испанка.

Госпожа де Мотвиль встала. Блестящие и крупные, похожие на детские, слезы медленно катились по бледным щекам королевы.

Молена, заметив это, пристально поглядела на Анну Австрийскую своим черным испытующим взглядом.

– Да, да, – сказала внезапно королева. – Оставьте нас, Мотвиль. Идите.

Слово «нас» неприятно прозвучало в ушах французской любимицы. Это значило, что будет происходить обмен тайнами и воспоминаниями. Это значило, что одно лицо было лишним в разговоре, вступавшем в свою интереснейшую фазу. И это лицо она, Мотвиль.

– Чтобы помочь вашему величеству, достаточно ли одной Молены? – спросила французенка.

– Да, – ответила испанка.

Госпожа де Мотвиль поклонилась. Вдруг старая горничная, одетая так, как одевались при испанском дворе в 1620 году, открыла дверь, без всякого стеснения подошла к плачущей королеве и придворным дамам и радостно воскликнула:

– Лекарство, лекарство!

– Какое лекарство, Чика? – спросила Анна Австрийская.

– Лекарство от болезни вашего величества.

- Кто его принес? – живо спросила госпожа де Мотвиль. – Господин Вало?
- Нет, дама из Фландрии.
- Испанка? – спросила королева.
- Не знаю.
- Кто ее прислал?
- Господин Кольбер.
- Как ее зовут?
- Она не сказала.
- Ее общественное положение?
- Она откроет его вашему величеству.
- Ее лицо?
- Она в маске.
- Посмотри, Молена! – сказала королева.
- Это бесполезно, – ответил вдруг решительный и в то же время нежный голос из-за

портьеры, голос, от которого вздрогнули и дамы и королева.

В то же мгновение женщина в маске появилась, раздвигая занавес.

И раньше, чем заговорила королева, незнакомка сказала:

– Я монахиня из брюггского монастыря и действительно принесла лекарство, которое должно излечить ваше величество.

Все молчали. Бегинка замерла в неподвижности.

– Продолжайте, – проговорила королева.

– Когда нас оставят наедине, – сказала бегинка.

Анна Австрийская взглянула на своих компаньенок, и они удалились.

Тогда бегинка сделала три шага по направлению к королеве и склонилась в почтительном поклоне.

Королева подозрительно смотрела на эту женщину, которая, в свою очередь, смотрела на королеву блестящими глазами сквозь отверстия маски.

– Королева Франции, должно быть, очень больна, – сказала Анна Австрийская, – раз даже бегинки из Брюгге знают, что она нуждается в лечении.

– Слава богу, ваше величество не безнадежно больны.

– Все же как вы узнали, что я больна?

– У вашего величества есть друзья во Фландрии.

– И эти друзья вас прислали?

– Да, ваше величество.

– Назовите мне их имена.

– Невозможно и бесполезно, раз сердце вашего величества еще не разбудило вашу память.

Анна Австрийская подняла голову, стараясь под тенью маски и тайной слов открыть имя той, которая говорила с такой непринужденностью.

Потом, вдруг устав от любопытства, оскорбительного для ее обычного высокомерия, она проговорила:

– Сударыня, вы, вероятно, не знаете, что с царствующими особами не говорят в маске?

– Соболаговолите извинить меня, ваше величество, – смиренно ответила бегинка.

– Я не могу извинить, не могу простить вас, если вы не снимите маску.

– Ваше величество, я дала обет приходить на помощь опечаленным и страждущим, никогда не открывая им своего лица. Я могла бы облегчить ваши телесные и душевные страдания, но так как ваше величество препятствует мне в этом, я удаляюсь. Прощайте, ваше величество, прощайте!

Эти слова были произнесены с таким обаянием и почтением, что гнев и недоверие королевы исчезли, оставив лишь любопытство.

– Вы правы, – сказала она, – не следует страдающим людям пренебрегать утешениями, которые посылает им Бог. Говорите, сударыня, и, может быть, вам будет дано облегчить, как вы сказали, мои телесные страдания... Увы, я боюсь, что Бог готовит моей плоти жестокие испытания!

– Поговорим немного о душе, – сказала бегинка, – о душе, которая тоже страдает, я в этом уверена.

– Моя душа?..

– Есть разрушительные язвы, нарывающие незримо. При этих недугах кожа остается белой, как слоновая кость, на теле не проступают синие пятна. Врач, склоняющийся над больным, не слышит, как в мускулах, под потоком крови, скрежещут зубами эти ненасытные чудовища; ни железо, ни огонь не способны убить или обезоружить ярость этого смертельного бича; враг живет в мысли и разрушает ее, растет в сердце, и оно разрывается. Вот, ваше величество, язвы, роковые для королев. Не страдаете ли вы таким недугом?

Анна медленно подняла руку, такую же ослепительно белую и прекрасную, как во времена ее молодости.

– Недуг, о котором вы говорите, – сказала она, – неизбежное зло нашей жизни, жизни великих мира сего, которым Господь посылает тяжкое бремя. Когда недуг слишком тяжел, Бог облегчает нас на суде исповедальни. Там мы снимаем с себя бремя и тайны. Но не забывайте, что Господь соразмеряет испытания с силами своих грешных созданий, а мои силы не ниже моего бремени: для чужих тайн мне достаточно сдержанности Бога, для моих тайн мне недостаточно скромности моего духовника.

– Я вижу, что вы, как всегда смело, выступаете против ваших врагов, ваше величество, но боюсь, что вы недостаточно доверяете вашим друзьям.

– У королев нет друзей. Если вам больше нечего мне сказать, если вы чувствуете себя вдохновляемой Богом, как пророчица, удалитесь, ибо я страшусь будущего.

– А мне показалось, – сказала решительно бегинка, – что вы, скорее, страшитесь прошлого.

Она еще не окончила этой фразы, как королева, вся выпрямившись, воскликнула резким и повелительным голосом:

– Говорите! Объясните четко, ясно, полно или...

– Не грозите, королева, – отвечала мягко бегинка. – Я пришла к вам, полная почтительности и жалости, я пришла к вам от друга.

– Тогда докажите это! Облегчите мои жестокие страдания, вместо того чтоб раздражать.

– Это легко сделать. И ваше величество увидит, друг ли я.

– Ну, начинайте.

– Какое несчастье случилось с вашим величеством за последние двадцать три года?

– Ах... большое несчастье: ведь я потеряла короля.

– Я не говорю о таких несчастьях. Я хочу спросить вас: после рождения короля... не причинила ли вам страдания нескромность одной вашей подруги?

– Я вас не понимаю, – отвечала королева, стиснув зубы, чтобы скрыть охватившее ее волнение.

– Я сейчас объясню. Ваше величество помнит, что король родился третьего сентября тысяча шестьсот тридцать восьмого года в одиннадцать с четвертью часов?

– Да, – пролепетала королева.

– В половине первого, – продолжала бегинка, – дофин⁵, уже помазанный архиепископом Мосским в присутствии короля и вашем, был провозглашен наследником французской короны. Король отправился в часовню старого Сен-Жерменского замка, чтоб прослушать *Te Deum*⁶.

– Все это точно, – прошептала королева.

– Ваше величество разрешились от бремени в присутствии покойного принца – брата короля, принцев крови и придворных дам. Врач короля Бувер и хирург Оноре находились в приемной. Ваше величество заснули около трех часов и спали приблизительно до семи, не правда ли?

– Совершенно верно, но вы мне повторяете то, что знают все так же, как вы и я.

– Я дохожу, ваше величество, до того, что знают немногие. Я сказала: немногие. Увы, я могла бы сказать: только два человека, так как прежде их было пять, но за последние несколько лет тайна стала еще более таинственной вследствие смерти большинства посвященных в нее. Король, наш господин, спит рядом со своими предками; повивальная бабка Перон умерла вскоре после него, Ла Порт уже забыт.

Королева открыла рот, чтоб ответить; под ледяной рукой, которой она проводила по своему лицу, она почувствовала горячие капли пота.

– Было восемь часов, – продолжала бегинка. – Король ужинал с большим аппетитом; вокруг него все было радостно – крики, полные до краев стаканы; народ вопил под балконом; швейцарцы, мушкетеры, гвардейцы бродили по городу, и их триумфально носили на руках пьяные студенты. От этих громких кликов народного веселья тихонько плакал на руках у своей гувернантки, госпожи де Гозак, дофин, будущий король Франции. Если бы он открыл глаза, то увидел бы в глубине колыбели две короны. Вдруг ваше величество пронзительно вскрикнули, и к вашему изголовью подошла Перон. Врачи обедали в отдаленной зале. Дворец был весь заполнен народом, в нем не было обычного порядка, не было ни охраны, ни часовых. Повивальная бабка, осмотрев ваше величество, вскричала, пораженная, и, обняв вас, измученную и обезумевшую от боли, послала Ла Порта сказать королю, что королева желает видеть его величество. Ла Порт, как вам известно, был человек хладнокровный и умный. Он не подошел к королю с видом испуганного слуги, чувствующего значительность и желающего напугать; впрочем, король и не ждал страшной новости. И вот улыбающийся Ла Порт остановился у кресла короля и сказал: «Ваше величество, королева очень счастлива и была бы еще счастливее, если бы могла увидеть ваше величество». В этот день Людовик Тринадцатый отдал бы свою корону нищему за приветствие. Веселый, легкий, живой, он вышел из-за стола и сказал таким тоном, которым мог бы сказать Генрих Четвертый: «Господа, я иду к жене». Когда он вошел к вашему величеству, Перон поднесла ему второго принца, такого же красивого и сильного, как первый, со словами: «Ваше величество, Бог не желает, чтоб французское королевство разрушилось».

В первую минуту король бросился к ребенку и воскликнул: «Благодарю тебя, Боже!»

Бегинка остановилась, заметив, как сильно страдала королева. Анна Австрийская, откинувшись в кресле, с опущенной головой и вперившимися в одну точку глазами, слушала не слыша, и ее губы конвульсивно дергались, как бы шепча молитву Богу или проклятие бегинке.

– Ах, не думайте, – воскликнула бегинка, – не думайте, что если во Франции только один дофин и если королева оставила этого ребенка прозябать вдали от трона, то она была плохой матерью. О нет!.. Есть люди, хорошо знающие, сколько слез она пролила; есть люди,

⁵ *Дофин* – титул наследника королевского престола во Франции.

⁶ *Te Deum* – церковный гимн, начало католического благодарственного молебствия. Музыка к нему сочиняли многие композиторы; первоначально это был хорал.

которые могут сосчитать горячие поцелуи, которыми она осыпала бедное создание, утешая его в жалкой и потайной жизни, в силу государственной необходимости доставшейся в удел близнецу Людовика Четырнадцатого.

– Боже мой! Боже мой! – слабо прошептала королева.

– Известно, – продолжала быстро бегинка, – что король, увидя двух сыновей одного возраста и равных по положению, испугался за Францию, за спокойствие своего государства. Известно, что вызванный Людовиком Тринадцатым кардинал Ришелье больше часа размышлял в кабинете короля и наконец произнес такой приговор: «Есть один король, родившийся, чтоб наследовать его величеству. Бог послал еще одного, чтоб он наследовал первому; но теперь нам нужен только родившийся первым, скроем второго от Франции, как Бог скрыл его поначалу от родителей». Один наследник – мир и безопасность государства; два претендента – гражданская война и анархия.

Королева внезапно поднялась, бледная и со сжатыми кулаками.

– Вы слишком много знаете, – произнесла она глухим голосом, – вы посвящены в государственные тайны. А друзья, от которых вы узнали это, – предатели и ложные друзья. Вы их сообщница в преступлении, которое нынче совершаете. Теперь долой маску или я прикажу дежурному офицеру арестовать вас. О, я не боюсь этой тайны! Вы ее знаете, вы мне ее и отдадите! Она застынет в вашей груди. Ни эта тайна, ни ваша жизнь вам не принадлежат отныне!

И Анна Австрийская сделала два шага к бегинке с угрожающим жестом.

– Научитесь ценить верность, честь, скромность ваших покинутых друзей, – сказала бегинка и сбросила маску.

– Герцогиня де Шеврез! – воскликнула королева.

– Единственная, знающая тайну вашего величества.

– Ах, – прошептала королева, – обнимите меня, герцогиня! Ведь так можно убить своих друзей, играя их смертельными печалью.

И королева, склонив голову на плечо старой герцогини, пролила целый поток горьких слез.

– Как вы еще молоды и счастливы, – сказала герцогиня, – вы можете плакать!

IV Подруги

Королева гордо посмотрела на герцогиню де Шеврез и сказала:

– Кажется, вы произнесли слово «счастливая», говоря обо мне. До сих пор, герцогиня, мне всегда казалось, что нет существа менее счастливого, чем королева Франции.

– Ваше величество, вы были действительно *mater dolorosa*⁷. Но рядом с теми возвышенными печалью, о которых мы с вами, две старые подруги, разлученные людской злобой, только что говорили, рядом с этими королевскими несчастьями у вас есть радости, правда, мало ощутимые вами, но вызывающие жгучую зависть в этом мире.

– Какие же? – спросила горестно Анна Австрийская. – Как вы можете произносить слово «радость», когда вы только что утверждали, что и тело мое и дух нуждаются в исцелении?

Госпожа де Шеврез задумалась на минуту, потом прошептала:

– Как же короли далеки от всех других людей!

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что они так отдалены от грубой действительности, что забывают все то, в чем нуждаются другие. Так обитатель африканских гор на своих зеленых высотах, оживленных студеными ручьями, не понимает, как умирают от жажды и голода среди пустыни, сожженной солнцем.

Королева слегка покраснела; она только теперь поняла, что имела в виду герцогиня.

– Как это было плохо с моей стороны, что я вас покинула, – сказала она.

– Ах, ваше величество, король, говорят, унаследовал ненависть, которую ко мне питал его покойный отец! Король прогнал бы меня, если бы знал, что я нахожусь во дворце.

– Я не говорю, что король очень расположен к вам, герцогиня, – возразила королева. – Но я могла бы... тайно...

На лице герцогини промелькнула пренебрежительная улыбка, которая взволновала ее собеседницу.

И королева поторопилась добавить:

– Впрочем, вы очень хорошо сделали, что пришли сюда.

– Благодарю вас, ваше величество.

– Хотя бы для того, чтобы дать мне радость опровергнуть слух о вашей смерти.

– Разве действительно говорили о том, что я умерла?

– Всюду.

– Однако мои дети не носили траура.

– Вы знаете, герцогиня, двор часто путешествует; мы мало видим ваших сыновей, и, кроме того, столько вещей ускользает от нашего внимания среди забот, в которых мы постоянно живем.

– Ваше величество, должно быть, не поверили слуху о моей смерти.

– Почему же? Увы, мы все смертны; разве вы не видите, что я, ваша младшая сестра, как мы прежде говорили, уже приближаюсь к могиле?

– Ваше величество, поверив моей смерти, были, вероятно, удивлены, что не получили от меня вести.

– Смерть иногда приходит внезапно, герцогиня.

⁷ Мать всех скорбей (*исп.*).

– О, ваше величество! У душ, отягощенных тайнами, подобно той, о которой мы только что говорили, всегда есть потребность в освобождении, которую надо удовлетворить заранее. Приготавливаясь к вечности, мы должны привести в порядок свои бумаги.

Королева вздрогнула.

– Ваше величество, – сказала герцогиня, – вы узнаете точно день моей смерти.

– Каким образом?

– На следующий день после моей смерти ваше величество получит в четырех конвертах все, что осталось от нашей давней, такой таинственной тогда переписки.

– Вы ее не сожгли? – воскликнула с ужасом Анна.

– О, дорогая королева, только предатели жгут королевские письма.

– Предатели?

– Да, конечно. Или, вернее, они делают вид, что жгут, но сохраняют или продают их.

– Боже мой!

– Верные же, наоборот, глубоко прячут такие сокровища; и однажды они приходят к своей королеве и говорят ей: «Ваше величество, я старею, я больна, моя жизнь в опасности и в опасности тайна вашего величества, доверенная мне; возьмите же эту опасную бумагу и сожгите ее сами».

– Опасная бумага? Какая?

– У меня есть только одна, но она действительно очень опасная.

– О, герцогиня, скажите, скажите же мне, что это такое?

– Это записка... от второго августа тысяча шестьсот сорок четвертого года, в которой вы просили меня поехать в Нуази-ле-Сек навестить вашего милого несчастного ребенка. Вашей рукой там так и написано: «милого несчастного ребенка».

Наступила глубокая тишина. Королева мысленно измеряла глубину пропасти, госпожа де Шеврез расставляла свои сети.

– Да, несчастный, очень несчастный! – прошептала Анна Австрийская. – Какую печальную жизнь прожил этот бедный ребенок и какой ужасный конец был уготован ему.

– Он умер? – живо воскликнула герцогиня, и ее удивление показалось королеве искренним.

– Умер от чахотки, умер забытый, увял, как цветок.

– Умер! – повторила герцогиня печальным тоном, который очень бы обрадовал королеву, если бы в нем не слышалось нотки сомнения. – Умер в Нуази-ле-Сек?

– Да, на руках у своего гувернера, бедного несчастного слуги, который не намного пережил его.

– Это понятно: нелегко вынести такую печаль и такую тайну.

Королева не удостоила заметить иронию этих слов. Госпожа де Шеврез продолжала:

– Несколько лет тому назад я справлялась в самом Нуази-ле-Сек о судьбе этого столь несчастного ребенка. Его не считали умершим, вот почему я сначала не опечалилась вместе с вашим величеством. О, разумеется, если б я поверила, никогда никакой намек на это прискорбное событие не разбудил бы законнейшую печаль вашего величества.

– Вы говорите, что в Нуази-ле-Сек ребенка не считали умершим?

– Нет, ваше величество.

– Что же говорили?

– Говорили... Конечно, ошибались... заблуждались...

– Все же скажите.

– Говорили, что однажды вечером, в начале тысяча шестьсот сорок пятого года, прекрасная и величественная женщина (что было замечено, несмотря на маску и плащ, которые скрывали ее), знатная дама, очень знатная, без сомнения, приехала на перекресток дорог, тот

самый, на котором я ждала вестей о молодом принце, когда ваше величество благоволили меня посылать туда.

– И?..

– И гувернер привел ребенка к этой даме.

– Дальше!

– На следующий день гувернер и ребенок уехали из местечка.

– Видите ли, в этом есть правда, так как бедный ребенок умер внезапно, что часто случается с детьми до семи лет. По словам врачей, жизнь их до этого возраста висит на волоске.

– То, что говорит ваше величество, – истина; никто не знает этого лучше, чем вы, никто этому не верит так сильно, как я. Но тут есть одна странность...

«Что еще?» – подумала королева.

– Лицо, сообщившее мне эти подробности, лицо, ездившее справляться о здоровье ребенка...

– Вы кому-нибудь доверили эту заботу? О, герцогиня!

– Некто немой, как ваше величество, немой, как я; предположим, что это была я сама.

Это лицо, проезжая через некоторое время в Турень...

– В Турень?

– Узнало гувернера и ребенка... простите, ему показалось, что оно узнало. Оба были живы, веселы и счастливы, оба цвели, один бодрой старостью, другой нежной юностью. Судите сами после этого, можно ли доверять слухам? Можно ли после этого верить чему бы то ни было на свете? Но я утомляю ваше величество. О, я совсем этого не хотела, и я сейчас же уйду, только еще раз выразив мою почтительную преданность вашему величеству.

– Подождите, герцогиня. Поговорим о вас.

– Обо мне? Ваше величество, не опускайте так низко ваш взгляд.

– Почему же? Разве вы не стариннейшая моя подруга... Разве вы сердитесь на меня, герцогиня?

– Я? Боже мой, по какому поводу? Разве я пришла бы к вашему величеству, если б у меня была причина сердиться на вас?

– Герцогиня, годы надвигаются на нас; нам надо теснее сплотиться против грозящей смерти.

– Ваше величество, вы меня осыпаете милостями, говоря такие ласковые слова.

– Никто так никогда не любил меня, никто так не служил мне, как вы, герцогиня.

– Ваше величество помнит об этом?

– Всегда... Герцогиня, дайте мне доказательство дружбы.

– Все мое существо принадлежит вашему величеству!

– Попросите у меня что-нибудь.

– Попросить?

– О, я знаю, что у вас самая бескорыстная, самая высокая, самая царственная душа.

– Не слишком хвалите меня, ваше величество, – сказала обеспокоенная герцогиня.

– Я никогда не смогу вас похвалить достаточно по вашим заслугам.

– От возраста, от несчастий очень меняешься, ваше величество.

– Да услышит вас Бог, герцогиня! Прежняя герцогиня, красивая, гордая, любимая Шеврез, ответила бы мне неблагодарно: «Мне ничего не нужно от вас». Да будут же благословенны несчастья, если они вас изменили, и вы теперь, быть может, ответите мне: «Принимаю».

Взгляд и улыбка герцогини стали мягче. Она была очарована своей любимой королевой и не скрывала этого.

– Говорите, дорогая, – продолжала королева, – чего вы желаете?

- Мне надо сказать?
- Не раздумывая.
- Ваше величество может принести мне несказанную радость, несравненную радость.
- Ну, говорите же, – сказала королева, слегка охладев от беспокойства. – Только, моя добрая Шеврез, помните, что я теперь во власти сына, как была прежде во власти мужа.
- Я буду скромна, дорогая королева.
- Называйте меня Анной, как прежде, это будет сладким напоминанием о прекрасной юности.
- Хорошо. Итак, моя милая госпожа, моя милая Анна...
- Ты еще помнишь испанский язык?
- Конечно.
- Скажи мне твою просьбу по-испански.
- Вот она: окажи мне честь и приезжай на несколько дней ко мне в Дампьер.
- Это все? – воскликнула пораженная королева.
- Все.
- Только всего?
- Боже мой, разве вы не видите, что я прошу у вас громадного благодеяния? Если вы так не думаете, значит, вы не знаете меня. Принимаете ли вы мое приглашение?
- Да, от всего сердца.
- О, благодарю вас!
- И я буду счастлива, – продолжала недоверчиво королева, – если мое присутствие будет вам чем-нибудь полезно.
- Полезно! – засмеялась герцогиня. – О нет! Приятно, сладко, радостно, да, тысячу раз да! Значит, вы обещаете?
- Клянусь вам.
- Герцогиня схватила прекрасную руку королевы и покрыла ее поцелуями.
- «Она, в сущности, добрая женщина, – подумала королева, – и... великодушная».
- Ваше величество, – продолжала герцогиня, – даете ли вы мне две недели?
- Конечно. Но для чего они вам?
- Потому что, зная, что я в немилости, никто не хотел дать мне в долг сто тысяч экю, которые мне нужны, чтобы привести в порядок Дампьер. Но теперь, когда станет известно, что я собираюсь принять ваше величество, все парижские капиталы потекут ко мне рекой.
- А, – сказала королева, кивнув головой, – сто тысяч экю! Нужно сто тысяч экю, чтоб поправить Дампьер?
- Да, почти сто тысяч.
- И никто не хочет одолжить их вам?
- Никто.
- Я их одолжу вам, если хотите, герцогиня.
- О, я не посмею.
- Напрасно, герцогиня.
- Правда?
- Честное слово королевы. Сто тысяч экю – это, право, не так много.
- В самом деле?
- Я знаю, что вы никогда не продавали ваше молчание за цену, которую оно стоило. Подвиньте мне этот стол, герцогиня, я напишу вам чек для Кольбера; нет, лучше для Фуке, который гораздо более воспитанный человек.
- А он заплатит?
- Если он не заплатит, заплачу я. Но это был бы первый случай, когда он отказал бы мне. Королева написала записку, вручила ее герцогине и, весело поцеловав, отпустила ее.

V

Как Жан де Лафонтен написал свою первую басню

По исчерпанию всех этих интриг человеческий ум, столь разнообразный в своих проявлениях, мог удобнее развернуться в трех последующих главах, которые мы ему предоставили в нашем повествовании.

Быть может, будет еще речь о политике и интригах в картине, которую мы собираемся писать, но ее пружины будут так скрыты, что читатель увидит только цветы и краски, совсем как в ярмарочных театрах, когда появляется на сцене великан, приводимый в движение маленькими ножками и слабыми ручками ребенка, спрятанного в его остовете.

Мы возвращаемся в Сен-Манде, где суперинтендант, по своему обыкновению, принимает избранное эпикурейское общество.

С некоторых пор хозяин переживает тяжелые дни. Каждый приходящий к нему в дом ощущает затруднения, легшие на плечи министра. Нет уж больших и веселых собраний. Финансы – вот предлог, который приводит Фуке, и никогда, как остроумно говорил Гурвиль, предлог не был более обманчивым – тут вообще нет финансов.

Господин Ватель пытается поддержать репутацию дома. Между тем садовники и огородники, которые поставляли на кухню продукты, жалуются на разоряющую их задержку выплаты; экспедиторы, снабжавшие дом испанскими винами, часто посылают счета, которые никто не оплачивает. Нормандские рыбаки, нанятые суперинтендантом, вычисляют, что, если бы они были оплачены, эти деньги дали бы им возможность бросить рыбную ловлю.

Однако друзья господина Фуке появляются в приемный день даже в большем количестве. Гурвиль и аббат Фуке говорят о финансах, то есть аббат берет у Гурвиля несколько пистолей в долг. Пелиссон, сидя нога на ногу, дописывает заключение речи, которой Фуке должен открывать парламент. И эта речь – шедевр, потому что Пелиссон сочиняет ее для друга, то есть уснащает ее всем тем, чем не украсил бы для самого себя. Вскоре появляются из глубины сада Лоре и Лафонтен, споря по поводу легких рифм.

Художники и музыканты направляются к столовой. Когда пробьет восемь часов, сядут ужинать. Суперинтендант никогда не заставляет ждать. Сейчас половина восьмого. Аппетит разыгрывается все сильнее.

Когда все гости наконец собрались, Гурвиль направляется к Пелиссону, отрывает его от мечтаний и, закрыв все двери, выводит на середину гостиной и спрашивает:

– Ну, что нового?

Пелиссон внимательно смотрит на него и говорит:

– Я взял в долг у своей тетки двадцать пять тысяч ливров – вот они.

– Хорошо, – отвечает Гурвиль, – теперь не хватает только ста семидесяти пяти тысяч ливров для первого взноса.

– Какого взноса? – спросил Лафонтен.

– Вот так рассеянность! – сказал Гурвиль. – Как! Ведь вы же сами сказали мне о маленьком имении в Корбейле, которое должно быть продано одним из кредиторов господина Фуке; вы же и предложили складчину всем друзьям Эпикура; и вы говорили, что продадите часть вашего имения в Шато-Тьери, чтобы внести свою долю, а сейчас вы спрашиваете: «Какого взноса?»

Раздался дружный смех, и Лафонтен покраснел.

– Простите, простите, – сказал он, – это верно, я не забыл. О нет! Только...

– Только ты не помнил, – заметил Лоре.

– Вот истина. Он совершенно прав. Забыть и не помнить – это большая разница.

– А вы принесли вашу лепту, – спросил Пелиссон, – деньги за проданный кусок земли?
– Проданный? Нет.
– Вы не продали свое поле? – спросил удивленный Гурвиль, знавший бескорыстие поэта.

– Моя жена не захотела, – отвечал тот.
Раздался новый взрыв смеха.
– Ведь вы же для этого ездили в Шато-Тъери!
– Да, и даже верхом.
– Бедный Жан!
– Я загнал восемь лошадей. Я изнемог.
– Несчастный!.. А вы там отдохнули?
– Отдохнул? Ничего себе отдых! Там у меня была работа.
– Как так?
– Моя жена кокетничала с тем, кому я собирался продавать землю. Этот человек отказался. Я его вызвал на дуэль.

– Очень хорошо! И вы дрались?
– По-видимому, нет.
– Вы этого точно не знаете?
– Нет, вмешались моя жена и ее родственники. В течение четверти часа я держал шпагу в руке, но я не был ранен.

– А противник?
– Противник тоже нет. Он не явился на место дуэли.
– Замечательно! – воскликнули со всех сторон. – Вы, должно быть, гневались?
– Очень! К тому же я простудился, а когда вернулся домой, жена стала ругать меня.
– Всерьез?
– Всерьез! Она швырнула мне в голову хлеб, большой хлеб.
– А вы?
– А я? Я швырнул в нее и в ее гостей все, что стояло на столе; потом вскочил на коня и приехал сюда.

Нельзя было оставаться серьезным, слушая эту комическую героиню. Когда ураган смеха немного стих, Лафонтена спросили:

– Это все, что вы с собой привезли?
– О нет! Мне пришла в голову превосходная мысль.
– Скажите же ее.
– Замечали ли вы, что во Франции пишется много весьма игривых стихов?
– Ну да.
– И что их мало печатают?
– Законы очень суровы, это верно.
– И вот я подумал, что редкий товар дорог. Вот почему я начал писать одно очень вольное стихотворение.

– О, о, милый поэт!
– Очень неприличное, крайне циничное.
– Черт возьми!
– Я вставил в него все неприличные слова, которые знаю, – невозмутимо продолжал поэт.

Все захохотали, слушая разглагольствования Лафонтена.

– И я старался превзойти все, что писали в этом роде Боккаччо⁸, Аретино⁹ и другие мастера.

– Боже мой! – воскликнул Пелиссон. – Да он будет проклят!

– Вы думаете? – спросил наивно Лафонтен. – Клянусь вам, что я это делал не для себя, а для господина Фуке. Я продал первое издание этого произведения за восемьсот ливров! – воскликнул он, потирая руки. – Благочестивые книги покупаются вполтину дешевле.

– Лучше было бы, – сказал смеясь Гурвиль, – написать две благочестивые книги.

– Это слишком длинно и недостаточно весело, – спокойно ответил Лафонтен. – Вот здесь, в этом мешочке, восемьсот ливров.

И он положил свой дар в руки казначея эпикурейцев.

Потом Лоре дал сто пятьдесят ливров, остальные тоже дали, что могли. Когда подсчитали, в мешке было сорок тысяч ливров.

Еще был слышен звон монет, когда суперинтендант вошел или, вернее, проскользнул в залу. Он все слышал. И этот человек, который ворочал миллиардами, этот богач, познавший все удовольствия и все почести, это громадное сердце, этот плодотворный мозг, который заключал в себе материальную и духовную сущность первого в мире королевства, Фуке появился на пороге со слезами на глазах, погрузил в золото и серебро свои тонкие белые пальцы и сказал мягким растроганным голосом:

– Трогательная милостыня, ты исчезнешь в самой мелкой складке моего пустого кошелька, но ты наполнила до краев то, что никто никогда не исчерпает, – мое сердце! Спасибо, друзья мои, спасибо!

И так как он не мог поцеловать всех находившихся в комнате, то поцеловал Лафонтена и сказал ему:

– Бедняга, из-за меня вы были биты своей женой и можете быть прокляты своим духовником!

– Ничего, – ответил поэт. – Пусть ваши кредиторы подождут два года, я за это время напишу еще сто стихотворений, выпущу их в двух изданиях, продам, и долг будет заплачен!

⁸ Боккаччо Джованни (1313–1375) – итальянский поэт, новеллист, гуманист, автор знаменитого «Декамерона».

⁹ Аретино Пьетро (1492–1556) – итальянский поэт и драматург. Его стихи и комедии отличались скабрзностью.

VI

Лафонтен ведет переговоры

Фуке с жаром пожал руку Лафонтену и сказал:

– Дорогой поэт, напишите нам еще сто стихотворений не только ради восьмидесяти пистолей, которые каждое из них принесет, но еще больше ради обогащения нашей словесности сотней шедевров.

– О, не думайте, – сказал Лафонтен, – что я принес господину суперинтенданту только эту идею и восемьдесят пистолей.

– Да у Лафонтена большие капиталы нынче! – вскричали со всех сторон.

– Будь благословенна идея, если она принесет мне сегодня один или два миллиона, – весело сказал Фуке.

– Вот именно, – ответил Лафонтен.

– Скорее, скорее! – кричало все общество.

– Смотрите, – сказал Пелиссон на ухо Лафонтену, – вы до сих пор имели большой успех, но не перегните палку.

– Ни в коем случае, господин Пелиссон, и так как вы человек со вкусом, вы первый меня одобрите.

– Речь идет о миллионах? – спросил Гурвиль.

Лафонтен ударил себя в грудь и сказал:

– У меня здесь полтора миллиона ливров.

– К чертям этого гасконца из Шато-Тьери! – воскликнул Лоре.

– Здесь дело не в кармане, а в голове, – сказал Фуке.

– Господин суперинтендант, – продолжал Лафонтен, – вы не генеральный прокурор, а поэт, вы поэт, художник, скульптор, друг искусства и наук, но, признайтесь сами, вы не магистрат.

– Признаюсь, – ответил господин Фуке.

– И если б вас избрали в Академию, вы бы от этого отказались, не правда ли?

– Думаю, что отказался, хотя и не хочу обижать академиков.

– Но почему же вы, не желая входить в состав Академии, соглашаетесь входить в состав парламента?

– О, о! – сказал Пелиссон. – Мы говорим о политике?

– Я спрашиваю, – продолжал Лафонтен, – идет или не идет господину Фуке мантия прокурора?

– Дело не в мантии, – заметил Пелиссон, раздраженный всеобщим смехом.

– Напротив, именно в мантии, – сказал Лоре.

– Отнимите мантию у генерального прокурора, – сказал Конрар, – и останется господин Фуке, на что мы совершенно не жалуемся. Но так как не бывает генерального прокурора без присущего ему одеяния, мы объявляем вслед за господином Лафонтеном, что мантия – пугало.

– А мне, – продолжал упрямый Пелиссон, – господин Фуке не представляется без прокурорской мантии. Что вы думаете об этом, Гурвиль?

– Я думаю, – отвечал он, – что прокурорская мантия вещь хорошая, а полтора миллиона стоят больше, чем мантия.

– Я согласен с Гурвилем! – воскликнул Фуке, обрывая спор своим утверждением, которое должно было, конечно, перевесить все остальные мнения.

– Полтора миллиона! – проворчал Пелиссон. – Черт возьми! Я знаю одну индусскую басню...

– Расскажите-ка мне ее, – сказал Лафонтен, – мне тоже ее надо знать.

– Расскажите, расскажите!

– У черепахи был щит, – начал Пелиссон. – Она пряталась за ним, когда ей угрожали ее враги. Однажды кто-то сказал ей: «Вам должно быть очень жарко летом в этом домике, и он мешает вам показывать вашу красоту. Вот этот уж хочет купить у вас ваш щит за полтора миллиона».

– Прекрасно! – засмеялся суперинтендант.

– Ну а дальше? – спросил Лафонтен, заинтересованный больше самой басней, чем ее моралью.

– Черепаха продала свой щит и осталась голой. Коршун увидел ее; он был голоден; одним ударом клюва он убил ее и сожрал.

– А мораль? – спросил Конрар.

– Та, что господину Фуке надо оставить за собой свою прокурорскую мантию.

Лафонтен принял мораль всерьез и сказал своему собеседнику:

– Вы забываете Эхила, лысого Эхила, у которого ваш коршун, большой любитель черепах, с высоты принял череп за камень и бросил на него черепаху, хотя и спрятавшуюся под своим щитом.

– Боже мой, конечно, Лафонтен прав, – продолжал Фуке в раздумье, – большой коршун, если он хочет съесть черепаху, легко сумеет разбить ее щит. И еще счастливы те черепахи, за покрывку которых какой-нибудь уж согласен заплатить полтора миллиона. Пусть мне принесут такого щедрого ужа, как в вашей басне, Пелиссон, и я отдам ей свой щит.

– *Rara avis in terris!*¹⁰ – воскликнул Конрар.

– Похожая на черного лебедя, не правда ли? – прибавил Лафонтен. – Ну вот, я нашел такую совсем черную и очень редкую птицу.

– Вы нашли покупателя на мою должность генерального прокурора? – спросил Фуке.

– Да, сударь.

– Но господин суперинтендант никогда не говорил, что хочет ее продать, – заметил Пелиссон.

– Простите, но вы сами об этом говорили, – возразил Конрар.

– И я тому свидетель, – добавил Гурвиль.

– Ну, кто же этот покупатель, скажите-ка, Лафонтен? – спросил Фуке.

– Совсем черная птица, один из советников парламента, славный человек... Ванель.

– Ванель! – воскликнул Фуке. – Ванель! Муж...

– Совершенно правильно, ее муж, сударь.

– Бедный малый, – сказал с удивлением Фуке, – он хочет быть генеральным прокурором?

– Он хочет быть всем тем, чем были вы, сударь, и делать совершенно то же, что делали вы, – сказал Гурвиль.

– Это очень забавно, расскажите мне, Лафонтен.

– Все очень просто. Я время от времени вижу его. Как раз сегодня я его встретил: он бродил по площади Бастилии в самое то время, когда я собирался отправиться в Сен-Манде.

– Он, наверное, подстерегал свою жену, – вставил Лоре.

– Нет, что вы! – сказал Фуке. – Он не ревнив.

– И вот он подходит ко мне, обнимает меня, ведет в кабачок Имаж-сен-Фиакр и начинает рассказывать мне про свои огорчения.

¹⁰ *Rara avis in terris!* – Редкая птица на земле (лат.) Цитата из Ювенала, ставшая крылатым выражением.

– У него есть огорчения?

– Да, его жена прививает ему честолубие. Ему говорили о какой-то должности в парламенте, о том, что было произнесено имя господина Фуке, и о том, что с этих пор госпожа Ванель мечтает быть генеральной прокуроршей и каждую ночь умирает от этого желания, если не видит во сне своего мужа прокурором.

– Черт возьми!

– Бедная женщина! – сказал Фуке.

– Подождите. Конрар всегда говорит, что я не умею вести дела, но вы сейчас увидите, как я повел это дело. Я сказал Ванелю: «Вы знаете, что это очень дорого стоит, такая должность, как у господина Фуке». «Ну а сколько приблизительно?» – спросил он. «Господин Фуке не продал ее за миллион семьсот тысяч ливров, которые ему предлагали». – «Моя жена, – отвечал Ванель, – считала, что это обойдется приблизительно в миллион четыреста тысяч». – «Наличными?» – «Да, наличными: она только что продала имение в Гиени и получила деньги».

– Это недурной куш, если получить его сразу, – сказал поучительно аббат Фуке, который до тех пор не проронил ни слова.

– Бедная госпожа Ванель! – пробормотал Фуке.

Пелиссон пожал плечами и сказал на ухо Фуке:

– Демон!

– Вот именно. И было бы очаровательно деньгами этого демона исправить зло, которое причинил себе ангел ради меня.

Пелиссон удивленно посмотрел на Фуке, но мысли Фуке с этого момента направились совсем по другому руслу.

– Ну, – сказал Лафонтен, – как вы находите мои переговоры?

– Замечательно, дорогой поэт.

– Да, но часто человек хвастается, что купит лошадь, когда у него нет денег даже на уздечку, – заметил Гурвиль.

– А Ванель, пожалуй, откажется, если его поймать на слове, – продолжал аббат Фуке.

– Вы говорите так, потому что не знаете развязки моей истории, – сказал Лафонтен.

– А, есть развязка? Что же вы так тянете? – спросил Гурвиль.

– *Semper ad eventum*¹¹, не правда ли? – сказал Фуке тоном вельможи, который путается в цитатах.

Латинисты захлопали в ладоши.

– А развязка моя, – воскликнул Лафонтен, – состоит в том, что Ванель, упрямое животное, когда узнал, что я еду в Сен-Манде, умолял меня взять его с собой.

– О, о!

– И представить его, если возможно, монсеньеру. Он сейчас находится на лужайке Бель-Эр. Что вы скажете на это, господин Фуке?

– Скажу, что не следует мужу госпожи Ванель столь долго находиться на пороге моего дома; пошлите за ним, Лафонтен, раз вы знаете, где он находится.

– Я сам побегу туда.

– Я пойду с вами, – сказал аббат Фуке, – я понесу мешки с золотом.

– Прошу без шуток, – строго сказал Фуке. – Если здесь есть дело, пусть оно будет серьезным. Но прежде всего будем гостеприимны. Попросите за меня извинения у этого благородного человека и передайте ему, что я огорчен тем, что заставил его ждать, но я не знал о его приезде.

¹¹ Всегда торопится к развязке (лат.).

Лафонтен поспешил за Ванелем. К счастью, Гурвиль сопровождал его, так как поэт, весь отдавшись вычислениям, сбился с пути и пустился было по направлению к Сен-Мору.

Через четверть часа господин Ванель входил в кабинет суперинтенданта, тот самый кабинет, который мы вместе со всеми смежными ему помещениями описали в начале повествования.

Увидя входящего Ванеля, Фуке подозвал Пелиссона и в течение нескольких минут говорил с ним шепотом.

– Запомните как следует, – сказал он ему, – велите уложить в карету все серебро, всю посуду, все драгоценности. Возьмите вороных лошадей. Ювелир поедет с вами. Задержите ужин до приезда госпожи де Бельер.

– Надо ведь еще предупредить госпожу де Бельер, – сказал Пелиссон.

– Не беспокойтесь. Я беру это на себя.

– Отлично.

– Идите, мой друг.

Пелиссон ушел, не очень хорошо понимая, в чем дело, но доверяя, как настоящий преданный друг, воле, которой он подчинялся. В этом сила избранных душ. Подозрительность – признак низменной души.

Ванель склонился перед суперинтендантом. Он собрался было начать длинную речь.

– Садитесь, сударь, – вежливо сказал ему Фуке. – Кажется, вы хотите купить мою должность?

– Монсеньер...

– Сколько вы можете заплатить мне за нее?

– Вы сами, монсеньер, должны назначить цену. Я знаю, что вам уже делали некоторые предложения.

– Мне говорили, что госпожа Ванель оценивает мою должность в миллион четыреста тысяч?

– Это все, что у нас есть.

– Вы можете выплатить эти деньги сразу?

– У меня их нет с собой, – сказал наивно Ванель, приготовившийся к борьбе, к хитростям, к шахматным комбинациям и озадаченный такой простотой и величием.

– Когда они будут у вас?

– Когда вам будет угодно, монсеньер.

Он боялся, что Фуке издевается над ним.

– Если б вам не приходилось возвращаться для этого в Париж, я бы сказал – сейчас же...

– О, монсеньер!..

– Но, – перебил суперинтендант, – отложим выплату и подписание договора на завтра.

– Хорошо, – отвечал оглушенный и похолодевший от удивления Ванель.

– На шесть часов утра, – добавил Фуке.

– Шесть часов, – повторил Ванель.

– Прощайте, господин Ванель. Поцелуйте от меня ручки госпоже Ванель.

И Фуке встал.

Тогда Ванель, побагровевший и начинавший терять голову, сказал:

– Монсеньер, вы даете мне честное слово?

Фуке повернул голову и сказал:

– Черт возьми! А вы?

Ванель смешался, вздрогнул и кончил тем, что робко протянул руку.

Фуке открыто и благородно протянул свою.

И честная рука на секунду коснулась влажной руки лицемера. Ванель сжал пальцы Фуке, чтобы убедиться в том, что это не сон.

Суперинтендант тихонько освободил свою руку и сказал:

– Прощайте!

Ванель попятился к двери, бросился через приемные комнаты и исчез.

VII

Посуда и бриллианты госпожи де Бельер

Отпустив Ванеля, Фуке на минуту задумался.

«Не может быть меры того, что делаешь ради некогда любимой женщины. Маргарита хочет быть прокуроршей. Почему бы ей не доставить этого удовольствия? Теперь, когда самая взыскательная совесть не может меня ни в чем упрекнуть, подумаем о женщине, которая любит меня. Госпожа де Бельер должна быть там».

И он взглянул на потайную дверь. Заперев свой кабинет, он открыл подземный коридор и быстро направился по соединительному ходу между своим домом и венсенским.

Он даже не предупредил свою подругу звонком, твердо зная, что она никогда не опаздывает на свидания.

Маркиза действительно была уже на месте и ждала. Она услышала шаги и подбежала, чтоб из-под двери взять записку, которую он просунул.

«Приезжайте, маркиза. Вас ждут к ужину».

Оживленная и радостная госпожа де Бельер дошла до своей кареты на авеню Венсен и на крыльце протянула руку Гурвилю, который, чтоб доставить удовольствие своему господину, ожидал ее приезда во дворе.

Она не заметила, как вернулись разгоряченные и в пене вороные лошади Фуке, привезшие Пелиссона и того самого ювелира, которому она продала свою посуду и драгоценности. Пелиссон ввел его в кабинет, где все еще находился Фуке.

Суперинтендант поблагодарил ювелира за то, что он сохранил, как вклад, сокровища, которые он имел право продать. Он бросил взгляд на сумму счета, которая достигала миллиона трехсот тысяч. Потом сел за свое бюро и написал чек на миллион четыреста тысяч, которые должны быть выплачены наличными из его кассы на следующий день до полудня.

– Сто тысяч ливров прибыли! – воскликнул ювелир. – Ах, монсеньер, какая щедрость!

– Нет, нет, сударь, – сказал Фуке, потрепав его по плечу, – есть деликатность, которую невозможно оплатить. Прибыль приблизительно та же, которую бы вы получили, но остаются еще проценты.

С этими словами он снял с рукава бриллиантовую запонку, которую тот же ювелир часто оценивал в три тысячи пистолей, и сказал:

– Возьмите это на память обо мне и прощайте. Вы честный человек.

– А вы, монсеньер, – воскликнул глубоко тронутый ювелир, – вы славный вельможа!

Фуке выпустил достойного ювелира через потайную дверь и пошел встречать госпожу де Бельер, уже окруженную гостями.

Маркиза была всегда прекрасна, но в этот день она была ослепительна.

– Не находите ли вы, господа, что маркиза сегодня несравненна? – сказал Фуке. – Знаете ли вы почему?

– Потому, что госпожа де Бельер – самая красивая женщина, – сказал кто-то из гостей.

– Нет, потому что она лучшая из женщин. Однако... все драгоценности, надетые сегодня на маркизе, – поддельные.

Госпожа де Бельер покраснела.

– О, это можно говорить без страха женщине, обладающей лучшими бриллиантами в Париже, – раздалось со всех сторон.

– Ну, что вы скажете? – тихо спросил Фуке Пелиссона.

– Наконец-то я понял. Вы хорошо поступили.

– Наконец-то! – засмеялся Фуке.

– Кушать подано, – величественно возгласил Ватель.

Волна приглашенных ринулась быстрее, чем это принято на министерских приемах, в столовую, где их ожидало великолепное зрелище.

На буфетах, на поставках, на столе среди цветов и огней ослепительно блистала богатейшая золотая и серебряная посуда. Это были остатки старинных сокровищ, изваянных, выточенных и отлитых флорентийскими мастерами, привезенными Медичи¹² в те времена, когда во Франции еще было золото. Эти чудеса искусства, спрятанные и зарытые во времена гражданских войн¹³, робко появлялись снова на свет в передышках той войны, которая называлась Фрондой. Сеньоры, сражаясь между собой, убивали друг друга, но не грабили. На всей посуде был герб госпожи де Бельер.

– Как! – воскликнул Лафонтен. – Везде П. и Б.!

Но самым удивительным был прибор маркизы. Перед ним возвышалась пирамида бриллиантов, сапфиров, изумрудов и античных камей. Халцедоны со старинной малоазийской резьбой в золотой мизийской оправе, удивительная древнеалександрийская мозаика в серебре, тяжелые египетские браслеты Клеопатры покрывали громадное блюдо работы Палисси¹⁴, стоявшее на треножнике из золоченой бронзы работы Бенвенуто¹⁵.

Маркиза побледнела, увидя то, что никогда больше не думала увидеть. Глубокое молчание, предвестник большого волнения, воцарилось во всей встревоженной и ожидающей зале.

Фуке не сделал даже знака, чтоб удалить лакеев в расшитых кафтанах, летавших, как तोполивые пчелы, вокруг громадных буфетов и столов.

– Господа, – сказал он, – посуда, которую вы видите, принадлежала госпоже де Бельер. Однажды, видя, что один из ее друзей находится в стесненных обстоятельствах, она послала все это золото и серебро вместе с драгоценностями, которые возвышаются здесь перед ней, к ювелиру. Такой великодушный дружеский поступок должен быть по достоинству оценен такими истинными друзьями, как вы. Счастлив человек, который так любим! Выпьем за здоровье госпожи де Бельер!

Буря рукоплесканий покрыла эти слова; онемевшая маркиза упала в кресло без чувств. Так падали в Древней Греции птицы, пролетавшие над ареною, где шли олимпийские сражения.

– А теперь, – добавил Пелиссон, которого всегда трогали благородные поступки и восхищала всякая красота, – теперь выпьем и за человека, ради которого маркиза совершила столь прекрасный поступок, потому что он достоин такой любви.

Теперь пришла очередь маркизы. Она встала, бледная и улыбающаяся, протянула дрожащей рукой стакан, и ее пальцы коснулись пальцев Фуке, в то время как ее еще затуманенный взгляд искал выражения любви, сжигавшей великодушное сердце ее друга.

Ужин, начавшийся таким удивительнейшим образом, скоро превратился в настоящее пиршество. Никто уже не старался быть остроумным – остроумие у каждого было неприкрытым.

¹² *Медичи* – знаменитая флорентийская фамилия, приобретающая богатство торговыми операциями и выдвинувшаяся в конце XIII в. Ее представители занимали папский престол, были королевами Франции (Екатерина Медичи, французская королева с 1547 г.; Мария Медичи, французская королева с 1600 г.), возглавляли республику.

¹³ *...во времена гражданских войн...* – Имеется в виду период с середины XVI в. по середину XVII в. и чаще называемый как период религиозных войн.

¹⁴ *Палисси* Бернар (1510–1589) – французский керамист и художник на стекле. Умер в Бастилии, как гугенот.

¹⁵ *Челлини* Бенвенуто (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир и писатель. Работал во Флоренции, Пизе, Болонье, Венеции, Риме, в 1540–1545 гг. – в Париже и Фонтенбло при дворе короля Франциска I. Перу Челлини принадлежат несколько трактатов и «Рассуждений» о ювелирном искусстве, искусстве валяния, зодчества, рисования и др., а также принесшие ему всемирную славу мемуары, напоминающие авантюрный роман (между 1558 и 1565 гг.).

Лафонтен забыл свое любимое вино Горньи и позволил Вателю помирить его с ронскими и испанскими винами.

Аббат Фуке так подобрел, что Гурвиль сказал ему:

– Смотрите, господин аббат, вы стали таким мягким, что вас могут нечаянно съесть.

Часы текли радостно и как бы осыпали розами пирующих. Против своего обыкновения суперинтендант не встал из-за стола перед щедрым десертом.

Он улыбался своим друзьям, почти все они были пьяны так, как бывают пьяны люди, у которых сердце опьянело раньше головы. Впервые за вечер он посмотрел на часы.

Вдруг во двор въехала карета, и, как ни странно, звук колес был услышан среди шума и песен.

Фуке прислушался, потом повернул голову к передней. Ему показалось, что там раздались шаги и что они не ступали по земле, но попирали его сердце.

Инстинктивно он отодвинул свою ногу от ноги госпожи де Бельер, которой касался в течение двух часов.

– Господин д'Эрбле, ванский епископ, – возгласил привратник.

Пламя свечи сожгло нити, поддерживавшие гирлянду, и она упала на голову человека, появившегося на пороге. Это был мрачный и задумчивый Арамис.

VIII

Расписка кардинала Мазарини

Фуке шумным приветствием встретил бы вновь пришедшего друга, если бы ледяной вид и рассеянный взгляд Арамиса не вернули ему всю его сдержанность.

– Вы нам не поможете есть десерт? – все же спросил он. – Вас не испугает наше шумное веселье?

– Монсеньер, – почтительно ответил Арамис, – я начну с извинения, что нарушаю ваше радостное собрание, но я попрошу вас после веселья подарить мне несколько минут для делового разговора.

Слова «деловой разговор» заставили нескольких эпикурейцев прислушаться. Фуке встал и сказал:

– Всегда дела, господин д’Эрбле! Счастье еще, что дела появляются только в конце ужина.

С этими словами он взял руку госпожи де Бельер, которая смотрела на него с некоторым беспокойством, и повел ее в соседнюю гостиную, где оставил в обществе наиболее благоразумных своих гостей.

Сам же он, взяв под руку Арамиса, направился в свой кабинет, где Арамис сразу забыл почтительность и этикет. Он сел и спросил:

– Догадаетесь, кого я видел сегодня.

– Дорогой шевалье, каждый раз, как вы так начинаете свою речь, я жду, что вы мне сообщите что-нибудь неприятное.

– На этот раз вы в этом не ошибаетесь, дорогой друг, – сказал Арамис.

– Не заставляйте меня томиться, – флегматично продолжал Фуке.

– Ну так вот – я видел госпожу де Шеврез.

– Старую герцогиню? Или ее тень?

– Нет. Именно старую волчицу.

– Без зубов?

– Возможно, но не без когтей.

– Ну, что же она может иметь против меня? Я не скуп с не слишком неприступными женщинами. Это качество женщины всегда ценят, даже когда они больше не могут возбуждать любви.

– Госпожа де Шеврез хорошо знает, что вы не скупы, раз хочет вырвать у вас деньги.

– Вот как! Под каким предлогом?

– Предлог у нее всегда найдется. По-видимому, у нее есть несколько писем кардинала Мазарини.

– Меня это не удивляет. Прелат был известным волокитой.

– Да, но, видимо, эти письма не имеют отношения к его любовным историям. В них идет речь, как говорят, о финансах.

– Это менее интересно.

– Вы совсем не догадываетесь, о чем я говорю?

– Совсем не догадываюсь.

– Вы никогда не слыхали о некоем обвинении вас в присвоении государственных сумм?

– Сто раз! Тысячу раз! С тех пор как я служу, дорогой д’Эрбле, я только об этом и слышу. Так же, как вы, епископ, вечно слышите упреки в нечестии; вы, будучи мушкетером, слышали упреки в трусости. Министра финансов беспрерывно упрекают в том, что он разворовывает финансы.

– Хорошо. Но давайте будет точными, так как, судя по тому, что говорит герцогиня, Мазарини точен.

– В чем же он точен?

– Он называет сумму приблизительно в тринадцать миллионов, в употреблении которых вам было бы трудно дать подробный отчет.

– Тринадцать миллионов! – сказал суперинтендант, растягиваясь в кресле, чтобы удобнее было поднять голову к потолку. – Тринадцать миллионов... Ах ты, господи, дайте мне припомнить, какие же это среди всех тех, в краже которых меня обвиняют!

– Не смейтесь, мой дорогой друг, это очень серьезно. Ясно, что у герцогини есть письма и что письма эти, должно быть, подлинные, так как она хотела продать их за пятьсот тысяч ливров.

– За такие деньги можно купить хорошую клевету, – отвечал Фуке. – Ах да, я знаю, о чем вы говорите! – И суперинтендант добродушно засмеялся.

– Тем лучше! – сказал немного успокоенный Арамис.

– Я вспоминаю историю с тринадцатью миллионами. Ну да, это то самое!

– Вы меня очень радуете. В чем же дело?

– Представьте себе, мой друг, что однажды сеньор Мазарини, упокой господи его душу, получил тринадцать миллионов за уступку спорных земель в Вальтелине¹⁶; он их вычеркнул из приходных книг, послал мне и заставил меня передать их ему на военные расходы.

– Хорошо. Значит, вы можете отчитаться за их употребление?

– Нет. Кардинал поместил эти деньги на мое имя и послал мне расписку.

– У вас есть расписка?

– Еще бы! – сказал Фуке и спокойно направился к большому бюро черного дерева с перламутровыми и золотыми инкрустациями.

– Меня приводит в восторг, – сказал восхищенный Арамис, – во-первых, ваша память, затем – ваше хладнокровие и, наконец, порядок, царствующий в ваших делах, тогда как, по существу, вы поэт.

– Да, – отвечал Фуке, – у меня порядок, происходящий от лени, чтобы не тратить время на поиски. Так, я знаю, что расписки Мазарини в третьем ящике под литерой М; я открываю этот ящик и сразу беру в руку нужную мне бумагу. Даже ночью без свечи я найду ее. – И уверенной рукой он ощупал связку бумаг, лежавших в открытом ящике. – Даже больше того, – продолжал он, – я помню эту бумагу, как будто вижу ее перед глазами. Она толстая, немного шероховатая, с золотым обрезом; на числе, которым она помечена, Мазарини сделал кляксу. Ну вот, бумага чувствует, что ею заняты и что она нужна, поэтому прячется и бунтует.

И суперинтендант заглянул в ящик.

Арамис встал.

– Странно, – сказал Фуке.

– Ваша память вам изменяет, дорогой друг, поищите в другой связке.

Фуке взял связку, перебрал ее еще раз и побледнел.

– Не упорствуйте и поищите в другом месте, – сказал Арамис.

– Бесполезно, бесполезно, я никогда не ошибался; никто, кроме меня, не убирает эти бумаги, никто не открывает этого ящика, к которому я сделал секретный замок, шифр которого знаю я один.

– К какому же выводу вы приходите?

¹⁶ ... за уступку спорных земель, в Вальтелине... – Вальтелина – стратегически важная долина в Альпах, переходившая у воюющих сторон во время Тридцатилетней войны из рук в руки.

– К тому, что квитанция Мазарини у меня украдена. Госпожа де Шеврез права, шевалье: я присвоил государственные деньги; я украл тринадцать миллионов у казны, я – вор, господин д’Эрбле.

– Не раздражайтесь, друг мой, не волнуйтесь!

– Как же мне не волноваться, шевалье! Причин для этого достаточно. Заправский процесс, заправский суд, и ваш друг суперинтендант последует на Монфокон¹⁷ за своим коллегой Ангерраном де Мариньи¹⁸, за своим предшественником Самблансе¹⁹.

– О, не так быстро, – сказал, улыбаясь, Арамис.

– Почему не так быстро? Что же, по-вашему, сделала герцогиня де Шеврез с этими письмами? Ведь вы отказались от них, не правда ли?

– О, я наотрез отказался. Я предполагаю, что она отправилась продавать их господину Кольберу.

– Ну вот видите!

– Я сказал, что предполагаю. Я мог бы сказать, что я в этом уверен, так как я поручил проследить за ней. Расставшись со мной, она вернулась к себе, затем вышла через задний ход своего дома и отправилась в дом интенданта на улице Круа-де-Пти-Шан.

– Значит, процесс, скандал и бесчестье, и все как гром с неба: слепо, жестоко, безжалостно.

Арамис подошел к Фуке, который весь трепетал в кресле перед открытыми ящиками. Он положил ему руку на плечо и сказал ласковым голосом:

– Никогда не забывайте, что положение господина Фуке не может равняться с положением Самблансе или Мариньи.

– Почему же, боже мой!

– Потому, что против этих министров был возбужден процесс и приговор приведен в исполнение. А по отношению к вам этого не может случиться.

– Почему? Ведь во все времена казнокрады считаются преступниками.

– Преступники, умеющие найти убежище, никогда не бывают в опасности.

– Спасаться? Бежать?

– Я вам не об этом говорю, но вы забываете, что такие процессы возбуждаются парламентом и ведутся генеральным прокурором, а вы сами – генеральный прокурор. Итак, если только вы не захотите приговорить себя...

– О! – воскликнул Фуке, стукнув кулаком по столу.

– Ну что, что такое?

– То, что я уже больше не генеральный прокурор.

Теперь Арамис мертвенно побледнел и так сжал руки, что пальцы хрустнули. Он свирепым взором впился в Фуке и, отчеканивая каждый слог, произнес:

– Вы больше не генеральный прокурор?

– Нет.

– Когда вы перестали быть им?

– Четыре или пять часов тому назад.

– Будьте осторожны, – холодно перебил Арамис, – мне кажется, что вы не в своем уме, друг мой. Придите в себя.

¹⁷ Монфокон – холм в окрестностях средневекового Парижа, на котором происходили казни преступников. По преданиям, на нем была установлена гигантская виселица.

¹⁸ Мариньи Ангерран (1260–1315) – министр и фаворит французского короля Филиппа IV Красивого, после смерти которого был обвинен в колдовстве и превышении полномочий и повешен на Монфоконе.

¹⁹ Самблансе Жак де Бон (1454–1527) – суперинтендант финансов при Франциске I. Казнен по ложному обвинению.

– Я вам говорю, – продолжал Фуке, – что не так давно пришел ко мне человек, посланный моими друзьями, и предложил мне миллион четыреста тысяч за мою должность. И я продал ее.

Арамис замолк. Его умное и насмешливое лицо отразило унылый ужас, подействовавший на суперинтенданта сильнее, чем все крики и речи на свете.

– Значит, вы очень нуждались в деньгах? – проговорил наконец Арамис.

– Да, чтоб заплатить долг чести.

И в нескольких словах Фуке рассказал Арамису о великодушии госпожи де Бельер и о том, как он счел нужным отплатить за это великодушие.

– Красивый жест, – сказал Арамис. – Во сколько он вам обошелся?

– Ровно в миллион четыреста тысяч, полученных за мою должность.

– Которые вы так и получили сразу, не раздумывая? О, неосторожный друг!

– Я их еще не получил, но получу завтра.

– Значит, это еще не кончено?

– Это должно быть кончено, так как я дал ювелиру чек, по которому он должен получить деньги в полдень в моей кассе, куда они будут внесены между шестью и семью часами утра.

– Слава богу! – воскликнул Арамис и захлопал в ладоши. – Ничто не закончено, раз вам еще не заплатили.

– А ювелир?

– Без четверти двенадцать вы получите от меня миллион четыреста тысяч.

– Подождите минуту. Ведь утром, в шесть часов, я подписываю договор.

– Я вам ручаюсь, что вы его не подпишете.

– Я дал слово, шевадье.

– Вы возьмете его обратно, вот и все.

– Что вы мне говорите! – воскликнул в благородном негодовании Фуке. – Взять обратно слово, данное Фуке?

Негодующий взгляд министра встретился с гневным взглядом Арамиса.

– Сударь, – сказал он, – я, кажется, заслужил название честного человека, не правда ли? Под солдатским плащом я пятьсот раз рисковал жизнью, в одеянии священника я оказал еще более важные услуги Богу, государству или своим друзьям. Честное слово стоит ровно столько, сколько стоит человек, давший его. Когда он держит его – это чистое золото; когда он не хочет его держать – это разящее железо. Он защищается тогда этим честным словом, как честным оружием, потому что когда честный человек не держит честного слова, значит, он в смертельной опасности, значит, что, он рискует больше, чем вся та выгода, которую может получить его противник. В таком случае, сударь, обращаются к Богу и своему праву.

Фуке опустил голову и сказал:

– Я бедный бретонец, простой и упрямый, и мой дух восхищается вашим и страшится его. Я не говорю, что держу слово из добродетели. Если хотите, я держу его по привычке. Но простые люди достаточно простодушны, чтоб восхищаться этой привычкой. Это моя единственная доблесть. Позвольте мне гордиться ею.

– Значит, вы завтра подпишете акт о продаже должности, которая защищала вас от всех ваших врагов?

– Подпишу.

Арамис глубоко вздохнул, огляделся с видом человека, которому хочется разбить что-нибудь, и сказал:

– У нас остается еще одно средство, и я надеюсь, что вы не откажетесь применить его.

– Конечно нет, если оно благородно... как все, что вы предлагаете, дорогой друг.

– Я не знаю ничего благороднее, чем отказ от покупки, сделанный вашим покупателем.

Он – ваш друг?

– Да... но...

– Но если вы мне позволите вести это дело, я не отчаиваюсь.

– Предоставляю вам быть полным хозяином.

– С кем вы вели переговоры? Кто этот человек?

– Я не знаю, знакомы ли вы с членами парламента.

– С большинством. Это какой-нибудь президент?

– Нет, простой советник.

– Ах!

– И зовут его Ванель.

Арамис побагровел, встал и закричал:

– Ванель! Муж Маргариты Ванель?

– Да.

– Вашей бывшей любовницы?

– Да, дорогой друг. Она захотела быть генеральной прокуроршей. Мне пришлось предоставить хоть это бедному Ванелю, и, кроме того, я еще выигрываю, так как этим доставляю удовольствие его жене.

Арамис подошел вплотную к Фуке, взял его за руку и хладнокровно сказал:

– Вы знаете имя нового любовника госпожи Ванель? Его зовут Жан-Батист Кольбер.

Он интендант финансов. Он живет на улице Круа-де-Пти-Шан, куда госпожа де Шеврез сегодня вечером носила письма Мазарини, которые она хочет продать.

– Боже мой, боже мой! – прошептал Фуке, вытирая струившийся по лбу пот.

– Теперь вы начинаете понимать?

– Что я погиб? Да.

– Вы не находите, что стоит немного менее твердо держать свое слово, чем Регул?

– Нет, – сказал Фуке.

– Упрямые люди, – пробормотал Арамис, – всегда так устраиваются, что ими восхищаются.

Фуке протянул ему руку.

В этот момент на прекрасных черепаховых часах с золотой резьбой, стоявших на консоли против камина, пробило шесть часов утра.

В передней закрипела дверь, и Гурвиль, подойдя к кабинету, сказал:

– Господин Ванель спрашивает, может ли монсеньер принять его?

Фуке отвел глаза от глаз Арамиса и ответил:

– Просите господина Ванеля войти.

IX

Черновик господина Кольбера

Ванель, вошедший в этот момент разговора, явился и для Фуке и для Арамиса как бы точкой, которой заканчивается фраза. Но для Ванеля присутствие Арамиса в кабинете Фуке должно было иметь совсем другое значение.

Поэтому, едва только войдя в комнату, он остановил на тонком и в то же время строгом лице ванского епископа удивленный взгляд, который вскоре стал подозрительным.

Что же касается Фуке, то он, как истинный политик, то есть человек, вполне владеющий собой, усилием воли уничтожил на своем лице все следы волнения, вызванного разоблачениями Арамиса. Это больше не был человек, раздавленный несчастьем и принужденный искать выхода; он поднял голову и протянул руку, приглашая Ванеля подойти ближе.

Он снова был первым министром и хозяином у себя в доме.

Арамис знал суперинтенданта. Ни тонкость его сердца, ни широта его ума не могли удивить епископа. Поэтому, отказавшись от активного участия в разговоре, он на время взял на себя трудную роль человека наблюдающего и слушающего.

Ванель был заметно взволнован. Он дошел до середины кабинета, низко кланяясь всем и всему.

– Я явился... – начал он.

Фуке кивнул и сказал:

– Вы точны, господин Ванель.

– В делах, монсеньер, мне кажется, что точность – добродетель.

– Да, сударь.

– Простите, – перебил Арамис, указывая пальцем на Ванеля и обращаясь к Фуке, – простите, это тот господин, который хочет купить вашу должность, не правда ли?

– Да, это я, – отвечал Ванель, удивленный крайне высокомерным тоном, которым Арамис задал вопрос. – Но как мне надлежит называть того, кто удостаивает меня?..

– Называйте меня монсеньер, – сухо отвечал Арамис.

Ванель поклонился.

– Довольно, довольно, господа, – сказал Фуке, – достаточно церемоний. Перейдем к фактам.

– Монсеньер видит, – сказал Ванель, – я весь к его услугам.

– А я подумал, что вам, может быть, надо мне сказать что-нибудь?

– О, он изменил свое решение, я погиб! – прошептал Ванель. Но, набравшись мужества, сказал: – Нет, монсеньер, мне совершенно нечего вам сказать, кроме того, что я сказал вчера и готов повторить сегодня.

– Будьте откровенны, господин Ванель, не слишком ли труден для вас наш договор, скажите мне?

– Разумеется, монсеньер, миллион пятьсот тысяч ливров – это большая сумма.

– Такая большая, – сказал Фуке, – что я подумал...

– Вы подумали, монсеньер? – живо воскликнул Ванель.

– Да, что, быть может, ваши средства вам еще не позволяют купить...

– О, монсеньер!

– Успокойтесь, господин Ванель, я не стану осуждать вас за неисполнение вашего слова, так как вы, очевидно, не в состоянии его сдержать.

– Нет, монсеньер, вы, конечно, осудили бы меня и были бы правы, – отвечал Ванель, – так как надо быть неосторожным человеком и безумцем, чтобы взять на себя обязательство, которое не можешь выполнить. А я всегда смотрю на уговор как на совершенное дело.

Фуке покраснел. Арамис промычал нетерпеливое «гм!».

– Нельзя все же впадать в крайность, сударь, – сказал суперинтендант. – Человеческий ум изменчив, ему свойственны маленькие простительные капризы, даже иногда вполне почтенные капризы. И часто человек желал чего-нибудь вчера, а сегодня в этом раскаивается.

Ванель почувствовал, как по его лбу и щекам потек холодный пот, и пролепетал:

– Монсеньер!..

Арамис же, очень довольный той четкостью, с которой Фуке начал разговор, спокойно прислонился к мраморной консоли и стал играть золотым ножичком в малахитовой оправе.

Фуке минуту помолчал, потом снова заговорил:

– Послушайте, дорогой господин Ванель, я сейчас вам объясню положение вещей.

Ванель затрепетал.

– Вы порядочный человек, – продолжал Фуке, – и вы поймете.

Ванель зашатался.

– Вчера я хотел продать свою должность.

– Монсеньер, вы не только хотели продать, вы сделали больше – вы продали.

– Ну, пусть так! Но сегодня я прошу вас, как о большом одолжении, вернуть мне слово, которое я дал вам вчера.

– Вы дали мне это слово, – повторил Ванель, как неумолимое эхо.

– Я знаю. Вот почему я вас умоляю, господин Ванель, – слышите? – я вас умоляю вернуть мне его...

Фуке остановился. Слово *умоляю*, он видел, не произвело желаемого действия, и это отняло у него дар речи.

Арамис, все еще играя ножичком, вонзил в Ванеля взгляд, который, казалось, хотел проникнуть до самого дна его души.

Ванель поклонился и сказал:

– Монсеньер, я взволнован честью, которую вы мне оказываете, советуясь со мной о совершившемся факте, но...

– Не говорите *но*, дорогой господин Ванель.

– Увы, монсеньер, подумайте, я ведь принес деньги, я хотел сказать – всю сумму.

И он открыл толстый бумажник.

– Видите, монсеньер, здесь купчая на продажу земли, принадлежащей моей жене. Чек в порядке, на нем необходимые подписи, и деньги могут быть уплачены немедленно. Это все равно что наличные деньги. Одним словом, дело сделано.

– Дорогой господин Ванель, всякое дело на этом свете можно разделить, чтоб оказать одолжение...

– Конечно... – неловко пробормотал Ванель.

– Чтоб оказать одолжение человеку, другом которого станешь таким образом, – продолжал Фуке.

– Конечно, монсеньер...

– Тем более законно станешь другом, господин Ванель, чем больше оказанная услуга.

Ну, сударь, скажите, что же вы решаете?

Ванель молчал.

В это время Арамис подвел итог своим наблюдениям.

Узкое лицо Ванеля, его глубоко сидящие глаза, дугообразные брови – все говорило ванскому епископу, что перед ним типичный скупец и честолобец. Пробивать одну страсть

другой – таков был метод Арамиса. Он увидел разбитого и поникшего Фуке и бросился в бой с новым оружием.

– Простите, монсеньер, – сказал он, – вы забываете объяснить господину Ванелю, что его интересы прямо противоположны этому отказу от покупки.

Ванель с удивлением посмотрел на епископа, он не ожидал отсюда получить помощь. Фуке тоже стал слушать епископа.

– Итак, – продолжал Арамис, – господин Ванель, чтоб купить вашу должность, монсеньер, продал землю своей супруги; это ведь серьезное дело, нельзя переместить миллион пятьсот тысяч ливров, как он это сделал, без заметных потерь и больших затруднений.

– Правильно, – сказал Ванель, у которого Арамис своим ослепительным взглядом вырывал правду из сердца.

– Затруднения, – продолжал Арамис, – выражаются в тратах, а когда тратишь деньги, то эти траты занимают первое место среди забот.

– Да, да, – подтвердил Фуке, начинавший понимать намерение Арамиса.

Ванель промолчал – теперь и он понял.

Арамис заметил его холодность и нежелание отвечать.

«Хорошо же, – сказал он про себя, – скверная рожа, ты молчишь, пока не знаешь суммы, но не бойся, я засыплю тебя такой кучей золота, что ты капитулируешь!»

– Надо предложить господину Ванелю сто тысяч экю, – сказал Фуке, подавшись природной щедрости.

Куш был достаточный. Принц удовлетворился бы такой взяткой. Сто тысяч экю в те времена получала в приданое королевская дочь.

Ванель не шевельнулся.

«Ну и мошенник, – подумал епископ, – ему нужно все пятьсот тысяч ливров сполна». И он сделал знак Фуке.

– Вы, кажется, истратили больше, дорогой господин Ванель, – сказал суперинтендант. – О, здесь даже не в деньгах дело! Ведь вы принесли жертву, продав эту землю. Ну, где же была моя голова! Я подпишу вам чек на пятьсот тысяч ливров. И еще я буду вам признателен от всего сердца.

Ванель не проявил ни проблеска радости или желания. Его лицо было непроницаемо, и ни один мускул не дрогнул.

Арамис бросил на Фуке отчаянный взгляд. Затем, подойдя к Ванелю, он взял его за отворот куртки уверенным жестом человека, занимающего большое положение, и сказал:

– Господин Ванель, вас не занимают ни стесненные обстоятельства, ни перемещение вашего капитала, ни продажа вашей земли. Вас занимает более высокая идея. Я ее понимаю. А сейчас, прошу вас, как следует запомните мои слова.

– Да, монсеньер.

И несчастный задрожал; огненные глаза прелата сжигали его.

– Итак, я от имени суперинтенданта предлагаю вам не триста тысяч ливров, не пятьсот тысяч, а миллион. Миллион, слышите?

И он нервно встряхнул Ванеля.

– Миллион! – повторил побледневший Ванель.

– Миллион, то есть, по нынешним временам, шестьдесят шесть тысяч ливров годового дохода.

– Ну, сударь, – сказал Фуке, – от таких предложений не отказываются. Отвечайте же – принимаете ли вы его?

– Невозможно... – пробормотал Ванель.

Арамис сжал губы, и лицо его как бы покрылось тучей. За этой тучей чувствовалась гроза. Он не отпускал Ванеля.

– Вы купили должность за миллион пятьсот тысяч ливров, не правда ли? Вам будет дан этот миллион пятьсот тысяч. Вы заработаете полтора миллиона на том, что посетили господина Фуке и он вам подал руку. Честь и выгода одновременно, господин Ванель.

– Не могу, – глухо отвечал Ванель.

– Хорошо! – отвечал Арамис и неожиданно отпустил куртку Ванеля, за которую он так крепко его держал. Ванель отлетел назад. – Хорошо, теперь достаточно ясно, зачем вы сюда явились!

– Да, это ясно, – проговорил Фуке.

– Но... – начал Ванель, пытаясь побороть свою слабость перед этими людьми.

– Мошенник, кажется, пытается возвысить голос! – сказал Арамис тоном императора.

– Мошенник? – повторил Ванель.

– Я хотел сказать – негодяй, – добавил уже хладнокровно Арамис. – Ну, вытаскивайте ваш договор, сударь. Он у вас, должно быть, где-нибудь под рукой в кармане, как у убийцы пистолет или нож, спрятанный под плащом.

Ванель что-то проворчал.

– Довольно! – крикнул Фуке. – Подавайте сюда договор.

Ванель дрожащей рукой начал рыться у себя в кармане; он вытащил из него бумажник, из бумажника в тот момент, когда Ванель подавал договор, выпала какая-то бумага.

Арамис бросился на бумагу, так как узнал почерк, которым она была исписана.

– Простите, это черновик договора, – сказал Ванель.

– Я это вижу, – продолжал Арамис с улыбкой более жестокой, чем удар хлыстом, – и восхищаюсь тем, что этот черновик написан рукой господина Кольбера. Вот взгляните, монсеньер.

И он передал черновик Фуке, который убедился в истине. Этот договор, весь исчерканный, с добавленными словами, с исписанными полями, был живым доказательством интриги Кольбера и все открыл его жертве.

– Ну? – прошептал Фуке.

Ошеломленный, Ванель, казалось, готов был провалиться сквозь землю.

– Ну, – сказал Арамис, – если бы вы не были Фуке, если бы ваш враг не был Кольбером, если бы против вас был только вот здесь стоящий подлый вор, я бы вам сказал – откажитесь... Подобное доказательство уничтожает всякое честное слово; но эти люди подумают, что вы испугались; они бы стали вас меньше бояться; подписывайте, монсеньер!

И он подал ему перо.

Фуке пожал руку Арамису, но вместо копии, которую ему подавали, он взял черновик.

– Нет, не эту бумагу, – живо сказал Арамис. – Она слишком ценна, и вам следовало бы сохранить ее у себя.

– О нет, – отвечал Фуке, – я подпишу на самом акте, собственноручно написанном господином Кольбером. Вот я пишу: «Подтверждаю руку».

Он подписал и сказал:

– Берите, господин Ванель.

Ванель схватил бумагу, подал деньги и хотел было убежать.

– Одну минуту, – сказал Арамис. – Вы уверены, что здесь все деньги? Деньги надо считать, господин Ванель, особенно когда господин Кольбер дает их женщинам. Ведь он не так щедр, наш достойнейший господин Кольбер, как господин Фуке.

И Арамис, читая по складам текст чека, вылил все свое негодование и все свое презрение каплю по капле на негодяя, который в течение четверти часа выносил эту пытку. Потом он приказал Ванелю удалиться даже не словами, а презрительным жестом, как лакею.

По уходе Ванеля министр и прелат, пристально глядя друг на друга, помолчали несколько секунд.

Арамис первый нарушил молчание:

– Ну, с кем вы можете сравнить человека, который, перед тем как сражаться с закованным в доспехи и вооруженным врагом, обнажает грудь, бросает оружие и посылает противнику любезные поцелуи? Прямота, господин Фуке, есть орудие, которым часто действуют мерзавцы против хороших людей, и им удается достигнуть цели. Поэтому хорошие люди должны были бы пускаться в ход против мерзавцев обман. Вы бы убедились, какими бы они стали сильными, не переставая быть честными.

– Но их действия назвали бы действиями мерзавцев.

– Совсем нет, их назвали бы кокетством честности. Но раз уж вы покончили с этим Ванелем, раз вы лишили себя счастья уничтожить его, отказавшись от вашего слова, раз вы дали против себя единственное оружие, которое может нас погубить...

– О, друг мой, – сказал с грустью Фуке, – вы, как тот учитель философии, о котором нам на днях рассказывал Лафонтен... Он видит тонущего ребенка и произносит ему речь по всем правилам искусства.

Арамис улыбнулся:

– Философ – верно, учитель – верно, тонущий ребенок – тоже верно, но вы еще увидите ребенка, который будет спасен! Однако прежде всего поговорим о делах.

Фуке посмотрел на него с недоумением.

– Вы, кажется, когда-то рассказывали мне о празднестве в Во, которое вы собирались устроить.

– О, – сказал Фуке, – это ведь было в доброе старое время!

– На это празднество, кажется, король сам себя пригласил?

– Нет, дорогой друг, господин Кольбер посоветовал королю пригласить самого себя.

– Да, потому что это празднество было бы столь дорогим, что вы разорились бы на нем.

– Вот именно. В доброе старое время, как я вам только что сказал, я гордился возможностью показать моим врагам неисчерпаемость моих ресурсов; я гордился тем, что повергаю их в смятение, создавая миллионы там, где они ждали только краха. Но теперь мне надо считаться с государством, с королем, с самим собой; теперь мне надо стать скупцом; я сумею доказать всем, что я действую, имея в распоряжении гроши, совершенно так же, как имея мешки пистолей, и, начиная с завтрашнего дня, когда будут проданы мои экипажи, сданы мои дома и сокращены расходы...

– Начиная с завтрашнего дня, – перебил спокойно Арамис, – вы будете, дорогой друг, без усталости заниматься приготовлениями к прекрасному празднеству в Во, о котором однажды будут говорить как об одном из героических великолепий нашей прекрасной эпохи.

– Вы сошли с ума, шевалье д'Эрбле!

– Я? Вы этого не думаете.

– Как? Да знаете ли вы, сколько может стоить самое простое празднество в Во? Четыре или пять миллионов.

– Я не говорю о самом простом празднестве, дорогой суперинтендант.

– Да, раз празднество устраивается для короля, – отвечал Фуке, не поняв Арамиса, – оно не может быть простым.

– Конечно, оно должно быть роскошнейшим.

– Тогда мне надо истратить от десяти до двенадцати миллионов.

– Если понадобится, вы истратите и двадцать миллионов, – сказал Арамис бесстрастным тоном.

– Где же я их возьму? – воскликнул Фуке.

– Это уже мое дело, господин суперинтендант. Вы совершенно не должны об этом беспокоиться. Деньги будут в вашем распоряжении раньше, чем вы наметите план вашего празднества.

– Шевалье, шевалье! – воскликнул Фуке, у которого закружилась голова. – Куда вы меня увлекаете?

– По ту сторону пропасти, в которую вы готовы были упасть. Схватитесь за мой плащ и не бойтесь.

– Почему вы мне раньше не говорили об этом, Арамис? Был день, когда вы могли меня спасти, дав мне один миллион.

– Тогда как сегодня... тогда как сегодня я дам вам двадцать миллионов, – сказал прелат. – Да будет так! Причина этого очень проста, друг мой: в тот день, о котором вы говорите, у меня не было в распоряжении этого необходимого миллиона, нынче же мне легко будет получить двадцать миллионов, которые мне нужны.

– Да услышит вас Бог и спасет меня!

Арамис вновь улыбнулся обычной загадочной улыбкой.

– Меня-то Бог всегда слышит, – сказал он, – это происходит, может быть, оттого, что я ему очень громко молюсь.

– Я отдаюсь в вашу полную власть, – прошептал Фуке.

– О нет, я совсем иначе на это смотрю. Я сам в вашей полной власти. Поэтому вы, как самый тонкий, умный, изысканный и изобретательный человек, вы в мельчайших подробностях распорядитесь празднеством. Только...

– Только? – переспросил Фуке как человек, знающий цену умолчания.

– Только, предоставляя вам изобретение всех подробностей, я оставляю за собой наблюдение за выполнением.

– Каким образом?

– Я хочу сказать, что на этот день вы превратите меня в мажордома, в главного управляющего, в человека, в котором будут совмещаться начальник охраны и эконом; мне будут подчинены люди, и у меня будут ключи от дверей; вы, правда, будете отдавать приказания, но вы будете их отдавать мне; они должны пройти через мои уста, чтоб достигнуть назначения, вы понимаете?

– Нет, не понимаю.

– Но вы принимаете мои условия?

– Еще бы! Конечно, друг мой!

– Это все, что мне нужно. Благодарю вас. Составляйте список гостей.

– Кого же мне приглашать?

– Всех!

X

Автору кажется, что пора вернуться к виконту де Бражелону

Наши читатели видели, как в этой повести параллельно разворачивались приключения нового и старого поколений. У одних – отблеск былой славы, горький жизненный опыт или же мир, наполняющий сердце и успокаивающий кровь под рубцами, которые прежде были жестокими ранами. У других – битвы самолюбия и любви, мучительные страдания и несказанные радости, кипящая жизнь вместо воспоминаний.

Если некоторая пестрота в эпизодах этой повести бросилась в глаза читателю, то причина ее – в богатых оттенках двойной палитры, которая дарит краски двум картинам, разворачивающимся параллельно, смешивающимся и сочетающим строгий тон с тоном радостным. На фоне волнений одной виден покой другой. Порассуждав со стариками, охотно предаешься безумствам в обществе с юношами.

Поэтому, если нити нашей повести слабо связывают главу, которую мы пишем, с той, которую только что написали, нас это беспокоит не больше, чем Рейсдаля²⁰, когда он писал осеннее небо, только что закончив весенний пейзаж. Мы предлагаем читателю поступить так же и вернуться к Раулю де Бражелону на том месте, где мы его оставили в последний раз.

Возбужденный, испуганный, страдающий, или, вернее, без ума, без воли, без заранее обдуманного решения, он убежал после сцены, конец которой он застал у Лавальер. Король, Монтале, Луиза, эта комната, это непонятное стремление избавиться от него, печаль Луизы, испуг Монтале, гнев короля – все предрекало ему несчастье. Но какое?

Он приехал из Лондона, потому что ему сообщили об опасности, и сразу же увидел призрак этой опасности. Достаточно ли этого было для влюбленного? Да, конечно, но недостаточно для благородного сердца.

Однако Рауль не стал искать объяснений там, где сразу ищут их ревнивые или менее робкие влюбленные. Он не пошел к своей возлюбленной и не спросил ее: «Луиза, вы меня больше не любите? Луиза, вы любите кого-нибудь другого?» Будучи человеком мужественным, способным к самой преданной дружбе, как он был способен к самой беззаветной любви, человеком, свято соблюдающим свое слово и верящим в чужое, Рауль сказал себе: «Де Гиш предупредил меня письмом; де Гиш что-то знает; пойду спрошу у де Гиша, что он знает, и расскажу ему, что я видел».

Путь был недлинный. Де Гиш, два дня тому назад вернувшийся из Фонтенбло в Париж, поправился от своей раны и уже начал ходить по комнате.

Он вскрикнул от радости, увидев Рауля, вошедшего с порывистой нежностью. Рауль же вскрикнул от боли, увидев, каким стал де Гиш бледным, худым, грустным. Двух слов и жеста, которым раненый отвел руку Рауля, было достаточно, чтоб открыть виконту истину.

– Вот как, – сказал Рауль, сядя рядом со своим другом, – здесь любят и умирают.

– Нет, нет, не умирают, – отвечал улыбаясь де Гиш, – раз я на ногах, раз я обнимаю вас!

– Как же мне не верить своим глазам?

– Вы убеждены, что я несчастлив, Рауль?

– Увы!

– Нет! Я счастливейший из людей! Страдает только тело, но не сердце, не душа. Если б вы знали! О, я счастливейший из людей!

²⁰ ...не больше чем Рейсдаля... – Имеется в виду один из голландских художников-пейзажистов Якоб ван Рейсдаль (1628 или 1629–1682) или его дядя Соломон ван Рейсдаль (1628 или 1629–1682).

- О, тем лучше, тем лучше, лишь бы это продолжалось подольше!
- Все решено; у меня хватит любви до самой смерти, Рауль.
- У вас – я в этом не сомневаюсь, но у нее...
- Послушайте, мой друг, я люблю ее... потому что... но вы не слушаете меня.
- Простите!
- Вы озабочены?
- Да. Прежде всего ваше здоровье...
- Нет, не то!
- Дорогой друг, именно вам не следовало бы меня расспрашивать.

И он выделил слово *вам* с тем, чтоб окончательно осветить своему другу природу своего недуга и трудность его лечения.

– Вы говорите мне это, Рауль, на основании моего письма?

– Ну да... Давайте поговорим об этом после того, как вы мне расскажете ваши радости и печали.

– Друг мой, я весь в вашем распоряжении, весь ваш, и сейчас же...

– Благодарю вас. Я тороплюсь... я горю... я приехал из Лондона вдвое быстрее, чем государственные курьеры. Ну, чего же вы хотели?

– Да ничего, друг мой, кроме того, чтобы вы вернулись.

– Ну вот, я здесь.

– Значит, все хорошо.

– Я думаю, что у вас для меня есть еще что-нибудь.

– Право, нет.

– Де Гиш!

– Клянусь честью!

– Вы не для того бесцеремонно оторвали меня от моих надежд; не для того подвергли меня немилости короля, потому что это возвращение – нарушение его приказаний; не для того впустили в мое сердце змею ревности, чтобы сказать мне: «Все хорошо, спите спокойно».

– Я не говорю вам «спите спокойно», Рауль; но, поймите меня, я не хочу и не могу вам сказать ничего больше.

– О, друг мой, за кого вы меня принимаете? Если вы что-то знаете, почему скрываете от меня? Если не знаете, почему вы меня предупреждали?

– Это правда, я был виноват. О, я раскаиваюсь, верьте мне, Рауль! Написать другу «приезжайте» – это ничто. Но видеть этого друга перед собой, чувствовать, как он дрожит и задыхается в ожидании слова, которое не смеешь сказать ему...

– Посмейте! У меня хватит мужества, если у вас его нет! – воскликнул в отчаянии Рауль.

– Вот как вы несправедливы и забываете, что имеете дело с бедным раненым... Ну, успокойтесь же! Я вам сказал: «Приезжайте». Вы приехали. Не требуйте же больше ничего у несчастного де Гиша.

– Вы мне посоветовали приехать, надеясь, что я сам увижу, не правда ли?

– Но...

– Без колебаний! Я видел.

– Ах!

– Или, по крайней мере, мне показалось...

– Вот видите, вы сомневаетесь. Но если вы сомневаетесь, мой бедный друг, что же мне остается делать?

– Я видел смущенную Лавальер... испуганную Монтале... короля...

– Короля?

– Да... Вы отворачиваетесь... Опасность здесь... беда здесь; это король, не так ли?

– Я ничего не говорю.

– О, вы говорите в тысячу тысяч раз больше молчанием. Фактов, прошу, умоляю вас, фактов! Мой друг, мой единственный друг, говорите! У меня изранено, у меня окровавлено сердце, я умираю от отчаяния!

– Если это так, Рауль, вы мне развязываете руки, и я буду говорить, уверенный в том, что скажу вам только утешительные вещи по сравнению с тем отчаянием, в котором я вижу вас.

– Я слушаю, слушаю...

– Ну, – сказал де Гиш, – я могу сказать вам то, что вы узнали бы от первого встречного.

– От первого встречного? Об этом говорят! – воскликнул Рауль.

– Раньше, чем говорить «об этом говорят», узнайте, о чем могут говорить, мой друг.

Клянусь вам, речь идет о вещах, по существу, совсем невинных, – может быть, о прогулке...

– А, о прогулке с королем?

– Ну да, с королем; мне кажется, что король достаточно часто совершал прогулки с дамами для того, чтоб...

– Я вам повторяю, что вы не написали бы мне, если б эта прогулка была заурядна.

– Я знаю, что во время той грозы королю удобнее было прятаться под крышу, чем стоять с непокрытой головой перед Лавальер. Но...

– Но?..

– Король так вежлив!

– О, де Гиш, де Гиш, вы убиваете меня!

– В таком случае я замолкаю.

– Нет, продолжайте. За этой прогулкой последовали другие?

– Нет... то есть да; было еще приключение у дуба. Впрочем, ничего о нем не знаю.

Рауль встал. Де Гиш постарался тоже встать, несмотря на свою слабость.

– Послушайте меня, – сказал он, – я не добавлю больше ни одного слова; я слишком много или слишком мало сказал. Другие осведомят вас, если захотят или смогут. Мое дело было предупредить вас, я это сделал. Теперь заботьтесь сами о своих делах.

– Расспрашивать? Увы, вы мне больше не друг, раз вы так со мной говорите, – сказал опечаленный юноша. – Первый, кого я спрошу, будет или злым человеком, или глупцом, – злой будет лгать мне, чтоб меня измучить, глупец поступит еще хуже. Ах, де Гиш, де Гиш, менее чем через два часа мне десять раз солгут и десять дуэлей будут ждать меня! Спасите меня! Не самое ли лучшее – знать свой недуг?

– Но я говорю вам, что я ничего не знаю. Я был ранен, болен, я был без памяти, у меня обо всем этом только туманное представление. Но, черт возьми! Мы ищем не там, где нужно, когда подходящий человек у нас под рукой. Разве шевалье д'Артаньян вам не друг?

– О да, это верно, конечно!

– Подите к нему. Он вам осветит истину и не ранит ваше сердце.

В это время вошел лакей.

– В чем дело? – спросил де Гиш.

– Господина графа ждут в фарфоровом кабинете.

– Хорошо. Вы позволите, дорогой Рауль? С тех пор как я могу ходить, я так горд.

– Я бы предложил вам опереться на мою руку, если б я не догадывался, что вас ждет женщина.

– Кажется, да, – сказал улыбаясь де Гиш и оставил Рауля.

Рауль остался неподвижный, оцепеневший, раздавленный, как рудокоп, на которого свалился свод: он ранен, истекает кровью, мысли путаются, он старается оправиться и спасти свою жизнь с помощью разума. Нескольких минут было достаточно Раулю, чтобы рас-

сеялось головокружение, причиненное этими двумя открытиями. Он уже связал нить своих мыслей, как вдруг сквозь дверь он услышал голос Монтале в фарфоровом кабинете.

«Она! – подумал он. – Да, это ее голос. Вот женщина, которая могла бы мне сказать правду; но стоит ли мне здесь расспрашивать ее? Она прячется даже от меня; она, наверное, пришла по поручению принцессы... Я увижу ее у нее в комнате. Она объяснит мне свой ужас, свое бегство, неловкость, с которой от меня избавились; она все это скажет мне... после того как господин д'Артаньян, который все знает, укрепит мое сердце. Принцесса... кокетка!.. Ну да, кокетка, но иногда способная любить; кокетка, у которой, как у жизни и у смерти, есть свои капризы, но она заставила де Гиша почувствовать себя счастливейшим из людей. Он-то, по крайней мере, на ложе из роз. Вперед!»

Он покинул графа и, всю дорогу упрекая себя в том, что он только о себе говорил с де Гишем, пришел к д'Артаньяну.

XI

Де Бражелон продолжает расспросы

Капитан дежурил. Сидя в глубоком кожаном кресле, уперев шпоры в паркет, держа между ног шпагу, он читал кучу писем, покручивая усы.

Увидя сына своего друга, д'Артаньян проворчал что-то радостное.

– Рауль, мой милый, по какому случаю король вызвал тебя?

Эти слова неприятно поразили молодого человека, и он отвечал, садясь на стул:

– Право, ничего об этом не знаю. Знаю только, что я вернулся.

– Гм! – пробормотал д'Артаньян, складывая письма и взглядывая пронизывающим взором на своего собеседника. – Что ты там толкуешь, мой милый? Что король тебя не вызывал, а ты вернулся? Я не очень хорошо это понимаю.

Рауль был бледен и со стесненным видом вертел шляпу.

– Какого черта ты строишь такую физиономию и что за могильный тон? – вскричал капитан. – Это что же, в Англии приобретают такие повадки? Черт возьми! Я тоже был в Англии и возвратился оттуда веселый, как пташка. Будешь что-нибудь говорить?

– Мне слишком много надо сказать.

– Ах, вот как! Как поживает твой отец?

– Дорогой друг, извините меня. Я только что хотел спросить это у вас.

Взгляд д'Артаньяна, проникавший в любые тайны, стал еще более острым. Он сказал:

– У тебя горе?

– Я думаю, что вы это хорошо знаете, господин д'Артаньян.

– Я?

– Несомненно. О, не притворяйтесь удивленным!

– Я не притворяюсь удивленным, мой друг.

– Дорогой капитан, я прекрасно знаю, что ни в хитростях, ни в силе я не могу состязаться с вами и буду вами бит. Видите ли, сейчас я глупец, я тварь безмозглая и безрукая. Не презирайте меня и помогите мне! Я несчастнейший из смертных.

– Почему же так? – спросил д'Артаньян, расстегивая пояс и смягчая выражение лица.

– Потому, что мадемуазель де Лавальер обманывает меня.

Лицо д'Артаньяна не изменилось.

– Обманывает! Обманывает! Что за важные слова? Кто тебе сказал?

– Все.

– А-а, если все тебе это сказали, значит, в этом есть доля истины. Я верю, что нет дыма без огня. Это смешно, но это так.

– Значит, вы верите! – живо воскликнул Бражелон.

– Я не вмешиваюсь в подобные дела, ты это хорошо знаешь.

– Как? Даже для друга? Для сына?

– Вот именно. Если бы ты был мне чужим, я бы тебе сказал... я бы тебе ничего не сказал... Ты не знаешь, как поживает Портос?

– Сударь! – воскликнул Рауль, сжимая руку д'Артаньяна. – Во имя дружбы, которую вы обещали моему отцу!

– Ах, черт! Я вижу, что ты серьезно болен... любопытством.

– Это не любопытство – это любовь.

– Ладно! Еще одно важное слово. Если бы ты был действительно влюблен, мой милый Рауль, было бы совсем иначе.

– Что вы хотите сказать?

– Я говорю, что если бы ты так серьезно любил, что я мог бы думать, что обращаюсь всегда к твоему сердцу... Но это невозможно.

– Говорю вам, что я безумно люблю Луизу.

Д'Артаньян заглянул в самую глубину сердца Рауля.

– Невозможно, говорю тебе... Ты как все молодые люди: ты не влюблен, ты безумствуешь.

– Ну а если бы это было так?

– Никогда еще разумный человек не мог повлиять на безумца, у которого кружится голова. Я уже сто раз в жизни обжигался на этом. Ты бы меня слушал, но не слышал; ты бы меня слышал, но не понимал; ты бы меня понимал, но не слушался меня.

– О, попробуйте, попробуйте!

– Я говорю больше: если бы я был так несчастлив, что знал бы что-нибудь, и так глуп, чтоб тебе об этом сообщить... Ты ведь говоришь, что ты мой друг?

– О да!

– Ну, так я бы поссорился с тобой. Ты бы мне никогда не простил, что я разрушил твою иллюзию, как выражаются в любви.

– Господин д'Артаньян, вы все знаете и оставляете меня в замешательстве, в отчаянии, в агонии! Это ужасно!

– Ну-ну!

– Вы знаете, что я никогда не кричу. Но так как Бог и мой отец никогда не простили бы, если б я пустил себе пулю в лоб, то я пойду и заставлю первого встречного рассказать мне то, что вы отказываетесь сказать мне, я уличу его во лжи...

– И убьешь его? Вот так хорошее дело! Пожалуйста! Мне-то что до этого? Убивай, мой милый, убивай, если это может доставить тебе удовольствие.

– Я не буду убивать, сударь, – сказал Рауль с мрачным видом.

– Ну да, вот вы, нынешние, любите принимать такие позы. Вы дадите себя убить, не правда ли? Как это мило! Ты думаешь, я о тебе пожалею? Целый день буду повторять: «Что за ничтожная дрянь этот мальчишка Бражелон, что за животное! Я всю жизнь потратил на то, чтоб научить его прилично держать шпагу, а этот дурак дал себя проткнуть, как цыпленка». Идите, идите, дайте себя убить, мой друг. Я не знаю, кто учил вас логике, но, прокляни меня Бог, как говорят англичане, а этот человек зря получил деньги от вашего отца.

Рауль тихо закрыл лицо руками и прошептал:

– Нет друзей, нет!

– Вот как! – сказал д'Артаньян.

– Есть только насмешники и равнодушные.

– Глупости. Я не насмешник, хоть и чистокровный гасконец. И не равнодушный. Да если б я был равнодушным, я уже четверть часа тому назад послал бы вас ко всем чертям, потому что вы человека веселого превратили бы в печального, а печального уморили бы. Неужели, молодой человек, вы хотите, чтоб я внушил вам отвращение к вашей милой и научил вас ненавидеть женщин, тогда как они честь и счастье человеческой жизни?

– Сударь, скажите мне, скажите, и я буду молиться за вас всю оставшуюся жизнь.

– Вы, мой милый, кажется, воображаете, что я забивал себе голову всеми этими историями о столяре, о художнике, о лестнице и портрете и тысячью таких же глупостей?

– Столяр! При чем тут столяр?

– Право, не знаю. Но мне рассказывали, что какой-то столяр пробил какой-то паркет.

– У Лавальер?

– Да не знаю у кого.

– У короля?

– Если б это было у короля, то вы думаете, я пошел бы вам об этом докладывать, что ли?

- У кого же тогда?
- Вот уж целый час я бьюсь, повторяя вам, что я этого не знаю.
- Но художник! И этот портрет?..
- Говорят, что король заказал портрет одной из придворных дам.
- Лавальер?
- Почему у тебя только одно это имя в голове? Кто тебе говорит о Лавальер?
- Но если все это не о ней, почему вы думаете, что это может интересовать меня?
- Я и не хочу, чтобы это тебя интересовало. Ты меня расспрашиваешь, я отвечаю. Ты хочешь знать скандальную хронику, я тебе ее предлагаю. Извлеки из нее пользу.
- Рауль в отчаянии ударил себя рукой по голове.
- Можно умереть от этого!
- Ты это уже говорил.
- Да, вы правы.
- И он сделал шаг, чтобы уйти.
- Куда ты идешь? – спросил д'Артаньян.
- Я иду к тому лицу, которое мне скажет правду.
- Кто это?
- Женщина.
- Сама мадемуазель де Лавальер, не правда ли? – сказал с улыбкой д'Артаньян. – Вот так превосходная мысль – ты хотел быть утешенным, ты будешь утешен тотчас же. Она тебе о себе дурного не скажет, можешь быть спокоен!
- Вы ошибаетесь, сударь, – отвечал Рауль, – женщина, к которой я обращусь, скажет мне о ней много дурного.
- Держу пари, что это Монтале?
- Да, Монтале.
- Ах, ее подруга? Именно поэтому она все сильно преувеличит в хорошую или дурную сторону. Не говорите с Монтале, мой дорогой Рауль.
- Не разум наставляет вас, когда вы отдаляете меня от Монтале.
- Да, сознаюсь, что это так... И, в сущности говоря, зачем мне играть с тобой, как играет кошка с бедной мышью? Мне, право, жаль тебя. И если я сейчас не хочу, чтобы ты говорил с Монтале, то лишь потому, что ты откроешь свою тайну и что этой тайной воспользуются. Подожди, если можешь.
- Я не могу.
- Тем хуже. Видишь ли, Рауль, если б у меня была идея... Но у меня ее нет.
- Позвольте мне только жаловаться вам, мой друг, и предоставьте мне выпутываться самостоятельно из этой истории.
- Ах, так! Дать тебе завязнуть окончательно, вот ты чего захотел? Садись сюда к столу и возьми перо в руки.
- Зачем?
- Чтоб написать Монтале и попросить у нее свидания.
- Ах! – воскликнул Рауль, хватая перо.
- Вдруг открылась дверь, и мушкетер, подойдя к д'Артаньяну, сказал:
- Господин капитан, здесь мадемуазель де Монтале, которая желает переговорить с вами.
- Со мной? – пробормотал д'Артаньян. – Пусть войдет, и я сразу же увижу, со мной ли она хотела переговорить.
- Хитрый капитан угадал верно.
- Монтале, войдя, увидела Рауля и вскричала:
- Сударь, сударь! Простите, господин д'Артаньян.

– Я вас прощаю, сударыня, – сказал д'Артаньян, – я знаю, я в том возрасте, что меня ищут только тогда, когда очень во мне нуждаются.

– Я искала господина де Бражелона, – отвечала Монтале.

– Как это совпало! А он искал вас. Рауль, не желаете ли вы пойти с мадемуазель Монтале?

– Всем сердцем хочу.

– Идите.

И он тихонько вывел Рауля из кабинета; затем, взяв Монтале за руку, сказал шепотом:

– Будьте доброй девушкой, поберегите его и пощадите ее.

– Ах, – отвечала она так же тихо, – не я буду с ним говорить. За ним послала принцесса.

– Ах, принцесса! – воскликнул д'Артаньян. – Меньше чем через час бедный малый выздоровеет.

– Или умрет! – сказала Монтале с состраданием. – Прощайте, господин д'Артаньян.

И она побежала вслед за Раулем, который ожидал ее, стоя поодаль от дверей, встревоженный и взволнованный этим разговором, не обещавшим ему ничего хорошего.

XII

Две ревности

Влюбленные нежны со всеми, кто имеет отношение к возлюбленной. Как только Рауль остался наедине с Монтале, он пылко поцеловал ей руку.

– Так, так, – грустно сказала девушка. – Вы плохо помещаете капитал ваших поцелуев, дорогой господин Рауль, я гарантирую, что они не принесут вам процентов.

– Как?.. Что?.. Объясните мне, дорогая Ора...

– Принцесса все это объяснит вам. Я к ней веду вас.

– Как?..

– Тише... и не бросайте на меня таких испуганных взглядов. У окон здесь есть глаза, у стен – громадные уши. Будьте любезны больше не смотреть на меня; будьте любезны говорить со мной очень громко о дожде, погоде и английских развлечениях.

– Наконец...

– Предупреждаю, что где-нибудь, не знаю где, но где-нибудь наверняка у принцессы скрыты наблюдающий глаз и подслушивающее ухо. Вы понимаете, что мне совсем не хочется быть выгнанной или посаженной в тюрьму. Давайте говорить о пустяках, повторяю вам, или лучше будем молчать.

Рауль сжал кулаки и пошел быстрее. У него было лицо человека мужественного, но идущего на пытку.

Монтале, быстроглазая, легкая и настороженная, шла впереди.

Рауля сразу же ввели в кабинет принцессы.

«День пройдет, и я ничего не узнаю, – подумал Рауль. – Де Гиш пожалел меня, он сговорился с принцессой, и они оба при помощи дружеского заговора отдают разрешение вопроса. Почему у меня здесь нет настоящего врага, например, этой змеи де Варда? Он ужалил бы, конечно... но зато я бы уж больше не колебался... Колебаться... сомневаться... нет, лучше умереть!»

Рауль предстал перед принцессой.

Генриетта, еще очаровательнее, чем всегда, полулежала в кресле; она протянула свои маленькие ножки на бархатную вышитую подушку и играла с длинношерстным шелковистым котенком, который покусывал ей пальцы и цеплялся за кружево ее воротника. Принцесса глубоко задумалась, и только голоса Монтале и Рауля вывели ее из мечтательного состояния.

– Ваше высочество посылали за мной? – повторил Рауль.

Принцесса встряхнула головой, как бы просыпаясь, и сказала:

– Здравствуйте, господин де Бражелон, да, я послала за вами. Вы вернулись из Англии?

– К услугам вашего королевского высочества.

– Благодарю вас. Оставьте нас, Монтале.

Монтале вышла.

– Вы можете уделить мне несколько минут, не правда ли, господин де Бражелон?

– Вся моя жизнь принадлежит вашему королевскому высочеству, – отвечал почтительно Рауль, угадывавший нечто мрачное под всеми любезностями принцессы. Но мрачность эта, скорее, нравилась ему, так как он был уверен, что чувства принцессы имеют нечто общее с его чувствами. Действительно, все умные люди при дворе знали капризное своеволие и неровный деспотизм, свойственные принцессе.

Принцесса была свыше меры польщена вниманием короля; принцесса заставила говорить о себе и внушила королеве ту смертельную ревность, которая как червь разъедает всякое женское счастье; одним словом, принцесса, желая исцелить оскорбленное тщеславие, уверила себя, что ее сердце разрывается от любви.

Мы знаем, что сделала принцесса, чтоб вернуть Рауля, удаленного Людовиком XIV. Рауль не знал о ее письме к Карлу II, но д'Артаньян догадался о нем.

Непонятное соединение любви и честолюбия, неслыханную нежность, невероятное коварство – кто их объяснит? Никто, даже демон, разжигающий кокетство в сердце женщины. После некоторого молчания принцесса сказала:

– Господин де Бражелон, вы вернулись довольный?

Бражелон посмотрел на принцессу Генриетту и увидел, что она бледна от мучившей ее тайны, которую она хранила и горела желанием открыть.

– Довольный? – спросил он. – Чем же я могу быть доволен или недоволен, ваше высочество?

– Но чем может быть доволен или недоволен человек вашего возраста и вашей наружности?

«Как она торопится! – подумал испуганный Рауль. – Что вдохнет она в мое сердце?»

Потом, испуганный тем, что он сейчас узнает, и желая отдалить столь вожаделенное и столь ужасное мгновение, он ответил:

– Ваше высочество, я оставил дорогого мне друга в добром здоровье, а вернувшись, увидел его больным.

– Вы говорите о господине де Гише? – спросила Генриетта с непроницаемым спокойствием. – Говорят, он ваш очень близкий друг?

– Да, ваше высочество.

– Ну да, это верно, он был ранен, но он поправляется. О! Господина де Гиша нечего жалеть, – добавила она быстро. Потом, как бы поправившись, сказала: – Разве он достоин жалости? Разве он жаловался? Разве у него есть горе, о котором мы не знаем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.